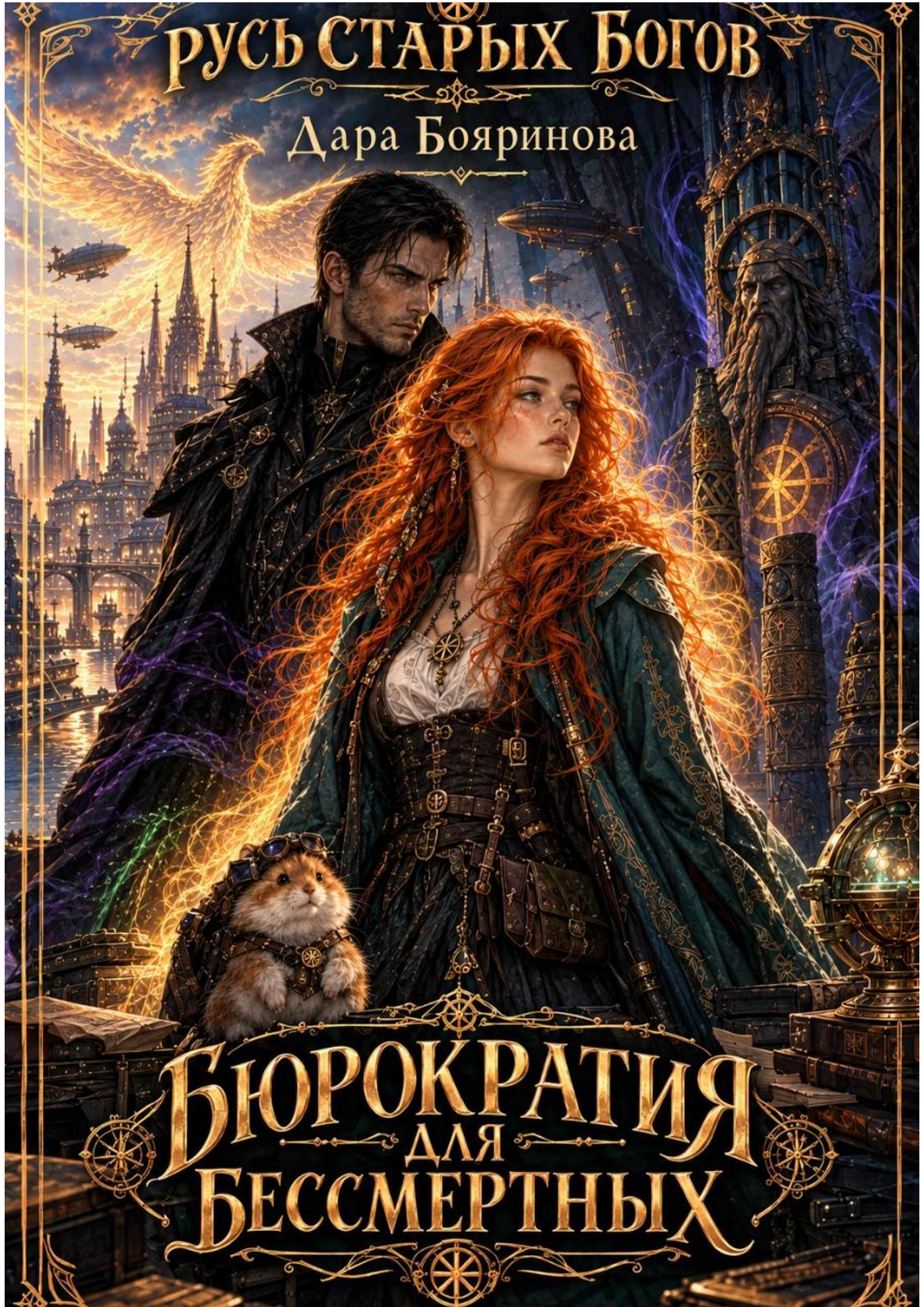

РУСЬ СТАРЫХ БОГОВ

Дара Бояринова

БЮРОКРАТИЯ
ДЛЯ
БЕССМЕРТНЫХ

Дара Бояринова

Бюрократия для бессмертных

«Автор»

2026

Бояринова Д.

Бюрократия для бессмертных / Д. Бояринова — «Автор», 2026

Что делать, если боги нарушают законы, нечисть требует соблюдения трудового законодательства, а конец света нужно оформить строго по установленной форме? Даша всего лишь устроилась на работу в Контору, которая помогает богам решать проблемы в мире людей. Теперь она разгребает проблемы бессмертных, мирит нечисть с бюрократией и спасает мир — желательно до обеда. Казалось бы, веселее некуда. Но тут вдруг откуда не возьмись появляется Древняя Тьма. А рядом околачивается этот странный Василий Шуйский — который не признаёт бюрократию и искренне считает работу Даши бессмысленной. Теперь им предстоит пережить богов, нечисть, магические катастрофы, бюрократические войны и собственные чувства. А маленький хомяк Пуф тем временем попытается объяснить Древней Тьме, что уничтожать Вселенную — это, вообще-то, нерациональное использование ресурсов, у него есть идеи получше. Боги бессмертны. Бюрократия — тоже. Потому что даже конец света в Руси старых богов требует правильно оформленных документов.

© Бояринова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	40
-----------------------------------	----

Дара Бояринова

Бюрократия для бессмертных

Глава 1

Даша.

Я с головой ушла в строки, когда над ухом раздался голос, от которого медная пряжка на моем корсете нервно звякнула.

— Дашенька, деточка, ты так увлеченно водишь пальчиком по строчкам, что я уж испугалась — не сглаз ли какой читаешь?

Я вздрогнула, едва не выронив книгу. Передо мной стояла Велена Гордеева, златовласая красавица, чей стальной характер успешно маскировался под кружевным воротничком и милой улыбкой.

— Тётя Веля, здравствуй! — подскочила, целуя её в щёку. — Ну какой сглаз? Это же Даная Видная, новая её история «Архивы Железной Костромы».

Я кивком указала ей на стул напротив. Интерьер заведения «Клюквенная тяга» всегда действовал на меня умиротворяюще. За огромными арочными окнами падал густой московский снег, но здесь, внутри, царила совсем другая атмосфера — старославянский шик во всей его красе. Стены из толстых бревен были выбелены до цвета первого снега, а массивные потолочные балки переплетались с сетью медных труб, по которым тихо гудел горячий воздух. Вместо люстр под потолком висели огромные стеклянные колбы—лампады, где металось пойманное синеватое пламя. Мебель была тяжелой, дубовой: столы стояли на литых чугунных опорах в форме лап медведей, а стулья венчали резные навершия в виде голов вещей птиц. Пахло здесь всегда свежим хлебом, мёдом и почему—то чуть—чуть машинным маслом. На барной стойке стоял граммофон, игла которого скользила по пластинке.

Велена грациозно опустилась в кресло. Кожа её длинного пальто скрипнула, как новенькая. Она поправила высокую шляпку—цилиндр, украшенную вместо пера настоящим, хоть и миниатюрным, работающим флюгером.

Официант—подавальщик — молодой парень в косоворотке и тонкой вязаной безрукавке — бесшумно поставил перед ней чашку тонкого фарфора. Я покосилась на свою порцию: у меня был огромный бокал цветного стекла, похожий на химическую реторту, наполненный дымящимся сбитнем с можжевельником. Рядом на блюдечке лежала гора имбирных пряников.

Отпив глоток травяного взвара, Велена прищурилась, разглядывая мой наряд. Сегодня я выгуляла свой любимый комплект: темно—синяя бархатная юбка—понева со стальными кольцами вместо пояса, белоснежная батистовая блуза с пышными рукавами—фонариками и высокий кожаный корсет—боди, прошитый медной проволокой. На ногах — тяжелые ботинки на шнуровке с бронзовыми набойками.

Отпив ещё глоток, она прищурилась: — Закончила уже учебу?

— Вчера диплом защитила, — призналась я, наконец откладывая книгу на стол обложкой вверх. Бумага приятно хрустела под пальцами. — Теперь я магистр визуальной эклектики. Звучит красиво, да толку мало.

— И чем заниматься думаешь? — Велена ловко подцепила золотыми щипчиками кусок колотого сахара, бросила в чай и принялась размешивать его маленькой серебряной ложечкой. Звук получился чистым, хрустальным. — Обратно в мастерскую пойдешь? Медальоны гравировать? Руки у тебя, конечно, золотые, да скучно тебе там будет, вижу же. Ты глазами своими синими вечно куда—то далеко смотришь.

Я пожала плечами, глядя, как за окном проезжает паровой экипаж. Из выхлопной трубы зверя валил густой белый дым.

— Не решила еще. Хочется чего—то... настоящего. Но таких мест немного. Те, что подходят мне, им не подхожу я, а тем, где подхожу я, не подходят мне... — вздохнула я.

Велена хитро улыбнулась, и наклонившись ко мне через весь стол, обдав ароматом дорогих духов, понизила голос до шепота:

— Есть у меня одно местечко. Тихое такое, неприметное. Контора государственная, бумажки пишут. Но контора эта... ну скажем так, непростая. Секретарша их упорхнула намеренно, а замену найти не могут, — она сделала драматическую паузу, откусила пряник и продолжила, — там специфика особая. Но думаю, ты справишься.

Я посмотрела на закрытую книгу автора Данаи Видной. В её страшных романах герои попадали из своего мира в нашу светлую Русь. А тут сама Русь, живая, пахнущая мёдом и озоном, предлагала мне работу.

Глянула на Велену. Потом снова на окно, где сквозь метель уже пробивались отсветы вывесок Китай-города.

— Где собеседоваться? — спросила я, чувствуя, как медная проволока на корсете начинает весело потрескивать от предвкушения.

— Один момент.

Велена достала из ридикюля чарофон¹, и набрала номер:

— Гоша? Здравствуй, золотой. Да, я. Слушай, ты мне вот что скажи... Ты для конторы Владиславы нового секретаря нашел уже? Что значит «нет»? Третий день пошел, а вы всё перебираете?

Велена недовольно цокнула языком, свободной рукой подзывая официанта, чтобы заказать еще порцию имбирных пряников. Из трубки донеслось возмущенное бормотание собеседника.

— Не бухти мне тут про кадровый голод! — отрезала Велена, повышая голос ровно настолько, чтобы заглушить шум чайной. — У меня тут девушка сидит, Дарья Шулянская. Племянница моей подруги покойной. Золото, а не девочка. Умненькая, глазастая, диплом только вчера защитила. Вполне может быть секретарем, справится. Грамотная, бойкая, читать любит запоем — значит, инструкции осилит. Запиши фамилию: Шу-лян-ска-я. Всё, жди завтра.

Она сбросила вызов и аккуратно убрала аппарат обратно в ридикюль.

— Значит так, — сказала она, строго глядя на меня. — Завтра в девять ноль—ноль утра. Чтоб минута в минуту была. Большая Якиманка, дом сорок пять. Вход со двора, железная дверь с молотком в виде головы ворона. Скажешь охране: «К Владиславе Богдановне, Велена прислала». Там тебя встретят.

Улица встретила нас колючим ветром, швыряющим в лицо мокрый снег. Велена поежилась, плотнее запахивая пальто.

— На сегодня променадов не будет, — решительно заявила она, подзывая к обочине приземистый автомобиль. Он выглядел как гибрид кареты и жука: черный лакированный корпус на высоких красных резиновых колесах, медные заклепки по периметру и спереди — латунная решетка радиатора, из которой валил густой белый пар.

Я молча кивнула, прижимая книгу к груди. Мы погрузились внутрь. Кожаный салон пах хвоей и дорогим табаком. Возница — суровый бородатый мужчина в очках—гогглах поверх

¹ Чарофон — аналог смартфона.

шапки—ушанки — лишь кивнул нам в зеркальце заднего вида. Автомобиль заурчал громче и плавно тронулся с места.

Ехали мы недолго. Мой дом находился в тихом Замоскворечье. Я поднялась по каменным ступеням на второй этаж. Ключ со скрипом провернулся в замке.

В квартире пахло сушеными яблоками, пчелиным воском и старыми книгами. Это была моя крепость, оставшаяся от тёти Глафиры. Я прислонилась лбом к холодной резной филенке двери. Моя квартира. Вернее, наследство от тёти Глафиры. Для Гордеевых с их алмазными залежами в Якутии это жильё показалось бы тесным чердаком, но для меня оно было целым миром. Огромное окно—фонарь выходило прямо на капище Перуна, а пол был уложен старым паркетом «ёлочкой», который вздыхал при каждом шаге. Стены были заставлены стеллажами до самого скошенного потолка. Здесь стояли и фолианты в переплетах, и детективы, и классика, и мои любимые романы Данаи Видной. Медная труба отопления изгибалась причудливой спиралью, служа вешалкой для моих корсетов и тяжелой меховой душегрейки.

Как только дверь закрылась за моей спиной, отрезая шум города, напускная бодрость слетела с меня, словно дешевая позолота. Тяжесть опустилась на плечи свинцовым плащом.

Я сбросила тяжелые ботинки у порога и прошла в гостиную. Зажгла свет: под потолком вспыхнули газовые рожки, стилизованные под старинные фонари, залив комнату теплым янтарным сиянием.

Только здесь, в этой оглушающей тишине, я позволила себе выдохнуть. Я осталась одна. Совсем.

Родителей я почти не помнила. Они пропали, когда мне было пять — просто ушли в экспедицию на Алтай и растворились в тумане вместе со всей группой ученых—картографов. Меня забрала сестра отца, Глафира.

Снаружи тетя казалась монументальной и пугающей: вечно поджатые губы, строгий пучок волос, стальные пальцы, которыми она могла свернуть шею любому обидчику. Но под этой броней билось огромное, безразмерное сердце. Своих детей у неё не случилось, хотя замужем она побывала трижды, и каждый раз это была отдельная комедия положений.

Прошла на кухню, щелкнула пальцами, зажигая газовую горелку под пузатым медным чайником, и достала с полки жестянку с тётиним «ведьминым сбором». Воспоминания текли сами собой, согревая лучше любого чая.

Первый муж тёти Глафиры, Игнат, был часовщиком. Маленький, суетливый человечек, постоянно пытавшийся научить кукушку в часах петь гимн «Боже, Князя храни» задом наперед. Однажды механизм переклинило, кукушка вылетела в окно и улетела в сторону Воробьевых гор. Игнат так расстроился, что уехал следом за ней в Сибирь строить телеграфную сеть. А квартиру и пару своих патентов, кстати очень прибыльных, оставил Глафире.

Второй, Савва, был кондитером. Человек—праздник. От него нам достался патент на производство леденцов, которые никогда не липнут к зубам, и небольшое состояние. Ушел он тоже эпично — влюбился в цирковую акробатку и сбежал с бродячим цирком, оставив записку в банке с мукой. От него тётке досталась неплохая сумма наличными и кондитерская лавка.

Третий, Аркадий, был фотографом—портретистом. Художественная натура. Тоже ушел сам, заявив, что светотень в браке угнетает его тонкую душу, но оставил тётке огромный дубовый шкаф, набитый идеально рассортированными по алфавиту коробками с пуговицами и ассигнаций почти на триста тысяч золотых рублей — платой за портреты московской знати.

Так что, мы никогда не бедствовали. Пусть до алмазных залежей мужа Велены, Богдана Гордеева, нам было как пешком до Луны, но жили мы сытно, тепло и весело. Тётка умудрялась продавать чертежи первого мужа, леденцы второго и сдавать фотостудию третьего. Она вкладывала в меня всё. Мои рыжие волосы были её гордостью, а мой интерес к механике она поощряла, покупая разобранные будильники, чтобы я училась их собирать.

А потом случились Кавказские горы. Глафира решила, что ей жизненно необходимо покорить Эльбрус, потому что «там, девочка моя, воздух такой — мысли звенят!» Группа попала под внезапную лавину. Нашли только её ледоруб и разбитые очки...

Чайник на плите засвистел пронзительно и одиноко. Звук эхом отразился от пустых стен. Я стояла посреди кухни, сжимая в руках теплую чашку, и впервые за долгое время позволила себе заплакать. Не тихо всхлипывать, а реветь в голос, некрасиво, содрагаясь всем телом. Потому что теперь я осталась совсем одна. Родители — призраки прошлого. А тётка... тётка ушла искать звенящий воздух и нашла вечность.

И завтра в девять утра мне нужно будет улыбаться новой работодательнице, делать вид, что я крепкая, современная девица, готовая печатать протоколы и варить кофе. Ради чего? Чтобы не слышать этот свист чайника. Чтобы заполнить оглушающую тишину пустой квартиры хоть каким-то делом. Тётя всегда говорила: «Дарья, главное в жизни — найти дело, ради которого стоит вставать с печи».

Каждому хочется, чтобы его утро начиналось с запаха кофе, солнечного лучика, щеко-чущего нос, и мурлычущего кота, уткнувшегося в ухо, но моё утро началось с пронзительного, почти ультразвукового воя. Никакие коты меня не будили — у меня вообще нет домашних животных, если не считать засохший кактус на подоконнике, который я забываю поливать со времен первой сессии. Это надрывался мой новенький чаробудильник, встроенный прямо в изголовье кровати.

Я села, пытаюсь разлепить глаза. Пять минут под горячим душем, стянула непослушную рыжую гриву в тугой узел на затылке, оставив лишь один локон у виска, быстрый и лёгкий макияж, строгий костюм—тальер² из темно—сливового сукна, под жакет тонкая белая шелковая блуза с высоким воротом, из украшений скромные серьги с изумрудиками, золотые часики, подаренные тётей на выпускной, и тяжелая брошь—сова на воротнике блузки. Надев тёплые ботиночки на небольшом каблуке, осмотрела себя в зеркале. Отлично. Скромно, сдержанно, по—деловому. То, что нужно для собеседования. Накинула шубку с капюшоном и помчалась вниз, так как извозчик уже прибыл.

Большая Якиманка, 45 встретила меня гулкой тишиной старинного подъезда. Лифт, больше похожий на позолоченную птичью клетку, поднял меня на второй этаж. Двери разъехались со скрипом, напоминающим крик раненой чайки.

Приемная агентства выглядела именно так, как я себе представляла. Стены обшиты темными дубовыми панелями, по углам стоят массивные шкафы—витрины, где за стеклом стояли папки в огромном количестве. Пол устлан толстым ковром цвета мха. Но посреди этого классического великолепия стоял огромный письменный стол из карельской березы, на котором

² Строгий костюм—тальер — это женский костюм, состоящий из жакета и юбки, сшитых из однотонных практичных тканей (часто тёмных тонов). Он напоминал мужской костюм по крою и был дополнен строгим блузой.

возвышался *чарокомп*³. Его экран светился глубоким сапфировым светом, а клавиатура была инкрустирована перламутром. Рядом стояла чашка, от которой валил густой пар.

За столом сидел здоровенный лысый детина. Его бычья шея плавно переходила в плечи шириной с дверной проем. На нем была идеально выглаженная белоснежная сорочка, которая, казалось, вот—вот затрещит по швам при малейшем движении мышц. Детина сосредоточенно водил пальцами по воздуху над чарокомпом, выстраивая в трехмерной проекции какую—то сложную схему. В воздухе висели мерцающие графики и таблицы.

— Дарья Шулянская? — пророкотал он, не поворачивая головы. Голос у него оказался неожиданно мягким, рокоочущим басом. — Опоздание сорок секунд. Непунктуально.

— Прошу прощения, лифт... — начала оправдываться я.

— Знаю, шестеренка западает, — кивнул он. — Вас ждут.

Я сглотнула и двинулась к двери, которая при моём приближении распахнулась абсолютно бесшумно.

Кабинет Владиславы Гордеевой был полной противоположностью приемной. Огромное пространство, залитое утренним солнцем. Красивые золотисто—бежевые стены, витражное стрельчатое окно, сквозь которое льются разноцветные лучи солнца. Паркет цвета молочного шоколада. Высокие стеллажи из красного дерева вдоль стен, полки которых заставлены всевозможными интересными штучками и книгами. Рабочий стол, заваленный документами, рядом с которым стоит удобное кожаное кресло. Мягкий диван на гнутых ножках и пара кресел к нему в дополнение. Чайный столик, за которым сидели и пили чай две девушки.

Родство между девушками было очевидно: одинаковые скулы, идентичный изгиб бровей и эта фамильная ямочка на щеке. Обе они были ослепительно красивы той спокойной, уверенной красотой, что передается исключительно с хорошей наследственностью.

Первая — шатенка. Идеальная осанка, платье—футляр глубокого изумрудного цвета, спокойный взгляд хозяйки жизни. Это была Владислава. От неё пахло властью, кофе и чем—то терпким, вроде полыни.

Вторая — блондинка. Изящный корсет цвета индиго поверх шелковой блузы, юбка сложного кроя с разрезами в тон корсету, высокие ботинки на шнуровке с латунными пряжками и россыпь карманных часов на тонких цепочках, она теребила симпатичный браслет на запястье. Как только я переступила порог, девушки повернулись ко мне. Глаза блондинки распахнулись настолько широко, что стали похожи на два блюдца. Рот приоткрылся в беззвучном «О». Она смотрела на меня так, словно я вошла в кабинет без головы, держа её под мышкой.

— А как же Супермен? — выдохнула блондинка наконец с таким благоговейным ужасом, будто действительно узрела мужика в синем трико.

В кабинете повисла звенящая пауза. Слышно было только как в углу тихо булькает какой—то алхимический аппарат.

Владислава прикрыла глаза рукой и страдальчески поморщилась, словно у нее внезапно разболелся зуб мудрости.

— Богдана, умоляю, — ровным голосом произнесла она, опуская руку. — Пожалуйста.

Богдана обиженно засопела, скрестив руки на груди, но глаз от меня так и не отвела, продолжая сканировать мое лицо взглядом реставратора, ищущего скрытый слой краски.

Владислава шагнула ко мне навстречу, протягивая ухоженную руку:

— Доброе утро, Дарья. Рада знакомству. Меня зовут Владислава. А эта впечатлительная особа, — она кивнула в сторону блондинки, даже не взглянув на неё, — моя двоюродная

³ Чарокомп – аналог компьютера.

сестра Богдана⁴. Прошу простить её, и не обращайтесь внимания на такие странные вопросы и выпады моей сестры, — мягко улыбнулась мне Владислава, жестом указывая на глубокое кожаное кресло. — Присаживайтесь, пожалуйста. Располагайтесь удобнее.

Владислава вновь села, а я только—только успела погрузиться в объятия глубокого кожаного кресла, как воздух в кабинете сгустился. Запахло озоном и раскаленным металлом — точь—в—точь как перед грозой высоко в горах.

С громким хлопком, похожим на лопнувший мыльный пузырь, пространство рассекла вспышка. В ворохе серебряных искр, от которых по стенам заплясали причудливые тени, возник *он*.

Посланник Симаргл. Это был пёс. Огромный, величиной с хорошего першерона⁵ или даже молодого слона. Его шерсть цвета расплавленного серебра стояла дыбом вдоль мощного хребта, а за спиной тяжело колыхались два белоснежных крыла, каждое из которых могло бы накрыть собой мой диван. Он встряхнулся, осыпав полированный паркет мелкой звездной пылью, которая тут же начала медленно таять.

Владислава, до сего эпичного появления успевшая взять свою чашку, лишь слегка приподняла бровь, глядя на него поверх края чашки. Богдана вообще не повела и мускулом, только поправила съехавший манжет, словно появление гигантских крылатых собак было для неё обычным делом. Я же сидела, вжавшись в спинку кресла, и моя челюсть, кажется, громко стукнула о столешницу. Рот сам собой приоткрылся в беззвучном «О».

⁴ История Богданы описана в книге «Агентство помощники богов», фраза Богданы о Супермене говорит, что Даша - копия красотки актрисы Эми Адамс, сыгравшую возлюбленную Супермена.

⁵ Першерон — тяжеловозная порода лошадей.

Симаргл обвел нас тяжелым, мудрым взглядом янтарных глаз. Осмотрел всех троих сверху вниз. Хмыкнул так, что в шкафу упала одна из фарфоровых статуэток:

— Вот теперь почти правильно. Картинка складывается. Блондинка... — он кивнул на Богдану. — Шатенка... — взгляд переместился на Владиславу. — Рыженькая... — его ноздри затрепетали в мою сторону. — Осталось только брюнетку вам в команду найти для полного комплекта.

Владислава тяжело вздохнула, поставив чашку на блюдце с таким звоном, будто разбила хрустальную вазу. Звук вывел меня из ступора, но понимание ситуации всё ещё не приходило.

— Брюнетка, — сухо заметила она, массируя переносицу, — как раз таки смылась с мужем в неизвестность. Теперь у меня нет толкового секретаря.

Я переводила взгляд с абсолютно спокойной Владиславы на огромного небесного пса. Мой мозг отчаянно пытался сопоставить факты: собеседование, резюме, лысый детина вместо секретаря, вот это лохматое очарование размером с грузовик.

Симаргл снова хмыкнул, проигнорировав сетования шатенки. Он сделал шаг ко мне. Пол под его лапами жалобно скрипнул. Наклонив свою огромную голову, он шумно втянул воздух прямо над моей макушкой.

— Рыженькая вполне подойдёт, — пророкотал он довольно. — От нее пахнет любопытством, осторожностью, умом и имбирными пряниками. И взгляд подходящий. Не истеричный. Идеальный баланс. За сим откланяюсь. Мне нужно забрать Горыню и эту блондинистую паникершу, у нас там небольшой кризис наметился...

Он обернулся к двери и рывкнул во всю мощь своих божественных легких: — Эй, Горыня!

Дверь кабинета распахнулась мгновенно. На пороге стоял тот самый здоровяк из приемной. Лысина его блестела так, что резало глаза, глаза горели фанатичным огнем долгожданного освобождения.

— Я готов! — пробасил он. — Куда угодно!

Не дожидаясь приглашения, он широким шагом пересек кабинет. Богдана, до этого спокойно сидевшая, коротко пискнула, когда огромная ручища детины обвила её талию, легко отрывая от кресла, но ни словом не прокомментировала действия здоровяка, лишь прижалась к нему.

Симаргл подошел к парочке. Детина одной рукой продолжал удерживать Богдану, другой взял и почесал серебристого пса за ухом, которое было размером с хорошую сковороду.

— Вперед, — пробасил лысый великан.

Посланник положил лапу на плечо детине (который, судя по всему, и был тем самым Горыней) и расправил свои исполинские крылья. По кабинету пронесся настоящий ураган, сметая со стола Владиславы стопку бумаг (которые, впрочем, зависли в воздухе и плавно опустились обратно). Пространство вокруг них вспыхнуло ослепительно—белым светом. Раздался мелодичный звон тысячи хрустальных колокольчиков, и они растворились. Просто исчезли в вихре серебряных искр, которые осыпались на дорогой паркет и медленно истаяли.

В кабинете повисла абсолютная, звенящая тишина. Слышно было только, как тихо булькает алхимический аппарат в углу и как бешено колотится мое собственное сердце. Я сидела в кресле, боясь пошевелиться.

Владислава посмотрела на пустое место, где только что была её сестра, потом перевела взгляд на меня. Её идеальная укладка ничуть не растрепалась.

Я медленно повернула голову.

— Это... это считается за первый рабочий день? — просипела я. — Или стажировка начнется после того, как я перестану удивляться?

Владислава помассировала виски, посмотрела на пустую приёмную, потом на меня. Достала из ящика стола новую пачку гербовой бумаги.

— Считается, — сказала она, подвигая ко мне чистый лист. — Заявление о приеме на работу. Шапка уже заполнена, — буднично произнесла она. — Пиши: «Прошу принять меня... дата... подпись».

Я послушно взяла ручку. Чернила пахли чем—то пряным. Вывела свою фамилию, чувствуя себя участницей какого—то абсурдного театрализованного представления. Поставив точку, я подняла глаза на новую начальницу.

— Владислава Богдановна... — начала я осторожно. — Но, прежде чем мы подпишем приказ о приеме... можно вопрос? Чем именно занимается ваша контора?

Владислава Гордеева отодвинула свой чарбук⁶. Её взгляд стал серьезным, цепким. Она подалась вперед, уперев локти в стол, сцепив пальцы в замок. Дорогое платье, идеальная

⁶ Чарбук— аналог ноутбука.

укладка, бриллиантовые серьги — всё это вдруг показалось лишь хрупкой маской, за которой скрывалось нечто древнее и пугающе могущественное.

— У нас не совсем контора, Даша, — тихо сказала она. — Скорее, особый отдел при одном очень важном ведомстве. И, прежде чем я посвящу тебя в подробности нашей работы, ты должна дать Нерушимое Слово.

Я слотнула. Воздух в кабинете внезапно потяжелел, словно его заполнили невидимым жидким стеклом.

Владислава чуть наклонила голову, внимательно изучая мое лицо.

— Встань, — приказала она.

Я поднялась из кресла. Мои колени слегка дрожали то ли от страха, то ли от переизбытка кофеина. Владислава тоже встала. Она обошла стол, остановившись прямо передо мной. Девушка была выше меня на полголовы.

— Ты готова дать такое слово?

Моё сердце пропустило удар. Пахнуло озоном сильнее прежнего. Воздух в кабинете стал густым, тяжелым. Я смотрела на её изящную руку с идеальным маникюром и понимала: это не метафора. Это реальный юридический документ мироздания.

— Готова, — выдохнула я, вкладывая свою чуть дрожащую ладонь в её.

В тот момент, когда наши руки соприкоснулись, я поняла то, чего не знала секунду назад. Я кожей, костями, всем своим существом ощутила ауру силы, а по моей коже прошел разряд. Не болезненный удар током, а теплая, ласковая волна, прокатившаяся от кончиков пальцев до самого затылка. Мир вокруг на секунду потерял четкость. Я увидела Владиславу иначе: сквозь дорогой шелк проступил мягкий золотистый свет, окутывающий её фигуру сияющим коконом. Передо мной стояла не просто красивая девушка. Передо мной стояла *Наречённая*⁷.

Где—то в глубине памяти всплыли слова тёти Глафиры, читавшей мне старые легенды. Их взаимоотношения с Богами были похожи на связь дальних и любимых родственников, вот только вместо конфеты на день рождения Наречённые имели право просить, например, о сдерживании цунами, и масштаб этой связи порой определял судьбу государств, а то и всего мира. Боги давали им защиту и дар, а Наречённые становились их руками в мире людей. Они были проводниками, адвокатами и иногда няньками для тех, кто создал этот мир.

— Повторяй за мной, — её голос зазвучал низко, вибрирующе, обретая странный металлический оттенок. — «Клянусь Стрибогом—ветродуем и Макошью—пряхой, чьи нити прядут судьбы мира. Клянусь светом Солнца—Ярилы и глубиной Велесовых троп. Я, Дарья Шулянская, по собственной воле и без принуждения, клянусь Нерушимым Словом своим хранить и не выдавать тайну, ту, что откроется мне, и служить делу сохранения Равновесия до последнего вздоха. *Словом своим живым, кровью своей горячей, памятью предков моих. Клянусь хранить тайну и служить Руси во плоти и в духе, доколе бьётся моё сердце.* Моё слово тверже камня Алатыря, моя печать крепче льда на реке Смородине.»

Текст был красивым, витиеватым и абсолютно жутким. Но отступать было поздно. Я смотрела в спокойные глаза Владиславы и понимала: либо я сейчас это скажу, либо выйду отсюда и навсегда забуду прекрасного крылатого Посланника Богов, и упущу возможность стать частью чего невероятного и грандиозного!

— Я, Дарья Шулянская, клянусь... — начала я повторять, — Стрибогом—ветродуем и Макошью—пряхой...

⁷ Наречённые— люди, одарённые особым благословением и покровительством богов, взаимоотношения примерно как крёстный-крестник.

Как только я произнесла последнее слово, наши ладони обожгло ледяным огнем. По коже пробежал разряд, но не болезненный, а бодрящий, до звона в ушах. На запястье, вспыхнул и тут же погас сложный символ, напоминающий переплетение руны Мир и стилизованного знака интеграла в окружении молний и пёрышек — знак того, что Слова приняты.

Рукопожатие разорвалось. Я потрясенно уставилась на свою руку — кожа была целой, но ощущение чужого присутствия внутри осталось.

— Добро пожаловать в команду, — кивнула она, снова становясь обычной (почти) барышней. — Теперь можно говорить свободно, — Владислава Гордеева побарабанила пальцами по столу. — Недавно Богдана и её муж Горыня... совершенно нечаянно, они помогли Богам. Да—да, тем самым, нашим Исконным Богам, что покровительствуют Руси, они помогли им вернуться.

— Вернуться? — я моргнула. — Откуда? Из отпуска? — не смогла удержать смешок.

— Из—за Грани, — отрезала Владислава, откинувшись на спинку кресла.

Информация укладывалась в голове плохо, цепляясь за края сознания острыми углами.

— Это же... благо? — осторожно предположила я. — Они вновь дома...

— Это, конечно, благо. Для баланса сил, для природы, для чар. Русь снова дышит полной грудью, — согласилась Владислава, криво усмехнувшись. — Благо и триумф. Для всех нас. Для русичей. А вот для нашего отдела — это катастрофа вселенского масштаба. Представь, Даша. Они вернулись. Перун, Велес, Макошь... Они вышли из легенд напрямик в наш век. С чарофонами, кредитами, налоговыми проверками. Никто не знает, как пойдет адаптация тысячелетней божественной сущности к реалиям современного мегаполиса. Что будет, если Лада решит устроить гуляние весеннего равноденствия посреди Тверской? Или если Велес потребует себе налоговый вычет за содержание леса? В общем, возникают кое—какие трудности. Логистические, дипломатические и бытовые. Наш специфический отдел, скажем так, создан именно для этого. Мы — буферная зона. Посредники, няньки, переводчики, психологи, курьеры, служба спасения и иногда вышибалы, — она щелчком пальцев заставила мой экземпляр заявления взлететь со стола и зависнуть в воздухе. — Никто не знает, как и что может пойти не так, когда легенда становится явью посреди мегаполиса. Твоя задача, Даша, быть щитом. Между бюрократией смертных и хаосом бессмертных. Записывать, успокаивать, подавать чай и кофе во время конца света. Справишься?

Я посмотрела на пустую приёмную. Вспомнила книги Данаи Видной, где Русь всегда была мечтой. Кажется, теперь этой мечте требовался секретарь, умеющий печатать со скоростью света и знающий, как успокоить разбушевавшегося бога...

— Справлюсь, — ответила я, и сама удивилась тому, насколько твёрдым получился голос. После встречи с белокрылым псом размером с грузовик пугать меня должностными инструкциями было бесполезно.

Владислава удовлетворённо улыбнулась уголками губ и подтолкнула ко мне по столешнице тонкую пластину из тёмного стекла — мой новый бейдж—пропуск.

— Отлично. Тогда обсудим детали.

Она встала из—за стола и направилась в приёмную, я последовала за ней.

— И запомни главное правило, которое сэкономит тебе пару лет жизни: здесь ничему не стоит удивляться. Вообще. Ничему! — она подняла указательный палец, акцентируя внимание. — Ни внезапным появлениям сотрудников прямо сквозь стену. Ни исчезновениям документов. Если вдруг увидишь что—то странное — просто сделай вид, что так и должно быть. Мы здесь решаем проблемы, а не создаём новые. Если в коридоре появилось трехголовое нечто, вежливо здороваешься и предлагаешь ему чай—кофе или валериану из аптечки и спрашива-

еешь цель визита. Оно либо ответит, либо зарычит, но в обморок падай только после того, как оно уйдет. Понятно?

— Более чем, — хмыкнула я.

— Отлично, теперь к обязанностям. Несмотря на специфику ведомства, функционал у тебя будет вполне стандартный для личного помощника руководителя. Ничего сверхъестественного... ну, почти, — она достала из стола пухлую папку—скоросшиватель, обтянутую чёрной кожей, и положила передо мной. — Теперь о твоих обязанностях. В целом, всё обычное: почта, архив, звонки, планирование графика, хотя у нас с этим сложно сейчас, выдернуть могут когда угодно и откуда угодно. Командировки... м—да, с этим тоже пока не ясно, ладно, — махнула рукой начальница, и продолжила. — Чай—кофе... надеюсь ты умеешь варить вкусный кофе?

— Да, умею, — я перелистывала страницы должностных инструкций, написанных сухим канцелярским языком.

Работа с корреспонденцией: Сортировка входящей почты. Письма, служебные записки, курьерские доставки. Всё нужно регистрировать в чарокомпе по дате получения и степени срочности.

Канцелярия и архив: Ведение реестра документов строгой отчётности. Следить за наличием бумаги в печатнике⁸, вовремя заказывать ручки и скрепки. Архивирование закрытых дел в хронологическом порядке.

Планирование графика: Календарь. Запись на приём посетителей. Никакой самодеятельности — если кто—то пришёл без записи, вежливо предложить ему подождать или записаться на свободное окно.

Командировки: Заказ авиационных и железнодорожных билетов для сотрудников, бронирование отелей, вызов такси. Оформление командировочных удостоверений и авансовых отчётов.

Чай—кофе: Организация встреч руководства. Знать предпочтения каждого из сотрудников нашего небольшого отдела.

Протоколирование: Присутствие на оперативных совещаниях. Запись хода обсуждения, принятых решений и поставленных задач. Расшифровка стенограмм и рассылка их ответственным лицам.

— Чарокомп на столе твой. Пароль — дата Куликовской битвы. Логин — твоя фамилия. Гардеробная там, за панелью, — Владислава указала на дубовую стену справа от сейфа, когда я отложила папку. — Вопросы есть?

— А обед? — вырвалось у меня. Желудок, переживший утренний стресс, робко напомнил о себе.

— Обеденный перерыв с часу до двух. Столовая на минус первом этаже, корпоративная. Но если вдруг захочется на перекус, пожалуйста, в любое время можешь позвонить и попросить, чтобы тебе принесли. За той дверцей небольшая чайная комната.

Я слушала её, и внутри росло странное чувство узнавания. Это была моя работа. Моя стихия. Порядок среди хаоса. Расписать день бога так, чтобы он успел и мир спасти, и на обед не опоздать — вот где настоящее искусство.

Закончив инструктаж, Владислава похлопала меня успокаивающе по руке и направилась обратно в свой кабинет, обернувшись у двери она сказала:

— В общем, твоя основная задача здесь — порядок. Боги хаоса не любят, но сами его генерируют в промышленных масштабах. Мы должны этот хаос фильтровать. А пока осваивайся. И сделай мне, пожалуйста, кофе.

⁸ Печатник – аналог принтера

Мой рабочий стол стоял справа от входа. Я сняла жакет, повесила его на спинку кресла, поправила идеально ровные карандаши в стакане и села. Провела рукой по гладкой столешнице, глубоко вздохнула, подвинула к себе клавиатуру, инкрустированную перламутром, и тут же отодвинула её, встала и направилась к кофемашине, варить начальству самый вкусный кофе, который она пила в своей жизни.

Глава 2

Три месяца. Ровно девяносто дней с того момента, как я переступила порог Большой Якиманки, дом 45, сжимая в руках диплом и отчаянно пытаясь не думать о тёте Глафире.

За это время моя жизнь перевернулась так стремительно, что иногда мне казалось — та девушка Даша, которая вздыхала над книгами Данаи Видной в чайной «Клюквенная тяга», была кем—то другим. Иногда у меня даже кружилась голова от смены декораций.

Во—первых, я познакомилась с мужем Владиславы — Ярославом Лаврентьевичем Соболевым. Он был огромен: косая сажень в плечах, белозубая улыбка человека, который искренне радуется жизни, и ямочка на подбородке, перед которой не устояла бы ни одна светская львица. Такие обычно проводят всё своё время на всевозможных тусовках в обществе высокородных красоток, красуясь в таблоидах, или познают себя, украшая своим накачанным тельцем тёплые океанские берега. Высокий, улыбчивый, с военной выправкой, которая странным образом сочеталась с ямочками на щеках, он выглядел как человек—праздник. И такие как он уж точно не становятся полковниками службы внешней безопасности. Но факт оставался фактом: за этой обаятельной ширмой скрывался цепкий ум стратега и хватка матерого волка. Он заходил к нам очень часто, что не удивительно, учитывая, что его кабинет, который использовался им крайне редко, находился чуть дальше по коридору. Он чуть ли не каждый день приносил Владиславе цветы, а мне — шоколадные конфеты, подмигивая так, словно мы были старыми заговорщиками.

Во—вторых, я узнала ближе Горыню. Суровый на вид лысый здоровяк из приемной, который одним ударом мог свернуть шею медведю, дома превращался в абсолютного ручного котика для Богданы, поскольку был невероятно добрым и заботливым мужем. Вся его «суровость» была лишь профессиональной деформацией, дома он пёк пироги с брусникой и вязал жене шерстяные носки. Под маской грозного лысого детины из приемной скрывался невероятно заботливый муж и сентиментальный великан. Именно от него я узнала самую большую литературную тайну современности: **Богдана и есть Даная Видная**. Моя любимая писательница, чьими историями я зачитывалась. Мир литературы для меня заиграл новыми красками и появилась лучшая подруга—писательница. Теперь наши обеденные перерывы превратились в литературные разборки: я критиковала её злодеев, а она давала советы по оформлению отчетов.

В—третьих, Симаргл заглядывал раз в неделю, неизменно оставляя после себя запах грозы и россыпь серебряной пылицы на ковре. Мы подружились: он научился пить чай из блюдца (лапами пользоваться было неудобно), а я перестала грозно хмурить брови, когда он случайно смахивал хвостом папки со стола. Познакомилась с невероятными Сири⁹, Индриком¹⁰ и Гамаюн¹¹!

⁹ Сирин — птица-дева. В русских духовных стихах она, спускаясь из рая на землю, зачаровывает своим пением. В сла-

После того как Богдана с Горыней и Владислава с Ярославом проложили путь из Гипербореи и открыли врата Вечного Града¹², божественная сила хлынула на Русь.

Это не было похоже на удар молнии или землетрясение — всё началось почти незаметно. Сначала это были лишь тонкие, едва уловимые ручейки чуда, которые просачивались в реальность сквозь щели мироздания.

В обычных городских квартирах у хозяек внезапно перестали пригорать блины, если те пеклись с хорошим настроением. Дети начали находить во дворах забытые игрушки: деревянных коников—свистулек, которые сами прыгали в ладошку, и тряпичных кукол—мотанок, от которых переставало болеть горло. В парках Москвы по утрам стали появляться полянки грибов. На дорогах изменилась разметка: краска сама собой светилась в темноте мягким лунным серебром, указывая ямы и выбоины задолго до того, как колесо машины попадало в них. А голуби на площадях вдруг научились выстраиваться в воздухе идеальными геометрическими фигурами, повторяя солярные знаки, прежде чем разлететься в разные стороны. Люди списывали это на усталость, хорошую погоду или выпитый накануне алкоголь, но внутри каждого просыпалось глухое, генетическое узнавание. «*Правильно*», — шептала душа, глядя на радугу, появившуюся без дождя над Садовым кольцом.

Через месяц эти ручейки превратились в бурные речушки, меняющие ландшафт страны. Божественная сила больше не пряталась — она заявляла о себе громко, вкусно и иногда весьма неудобно для коммунальщиков.

Обычные городские тополя вдоль проспектов пустили новые ветви, покрытые серебристой листвой, которая не опадала даже в минус тридцать. Воробьи сменили окрас на лазурный, а бродячие собаки обросли густой шерстью, переливающейся медью, и теперь могли одним рыком успокаивать самых агрессивных футбольных фанатов. На крышах высоток снова обосновались настоящие соколы—сапсаны, игнорируя вышки связи. Старые здания начали «заживать». Трещины в бетоне затягивались, покрываясь узором из зеленого мха, который пах озонном после грозы. Лепнина на фасадах особняков начала слабо светиться по ночам, показывая сцены из древних былин. Чай в кружках перестал остывать раньше времени, если его заваривали с добрыми мыслями. Забытые ключи сами находили дорогу в хозяйские сумки и карманы. А шестерёнчики из ульев¹³ жаловались, что кабели самопроизвольно сплетаются в косички, мешая передаче данных, — это Домовые вышли из—за печей (точнее, из—за ульевых стоек) и принялись наводить порядок согласно своим древним представлениям об уюте. Метро стало чище: мрамор станций начал источать слабое свечение, а сквозняки в тоннелях приобрели приятный запах соснового бора вместо привычной пыли. По утрам над Москвой—рекой начали клубиться густые, жемчужные туманы. Однажды над центром города заметили стаю жар—птиц, что освещала округу ярким красочным светом.

Я же поняла, что моя жизнь меняется, ровно через неделю после моего трудоустройства. Четверг, одиннадцать утра. Я сидела за своим столом, методично вбивая в чарокомп данные

вянской мифологии чудесная птица, чье пение разгоняет печаль и тоску; является лишь глубоко несчастным людям. Иногда прекрасная птица Сирин встречается в образе настоящей птицы, без всяких человеческих составляющих. «Крылья ее были белые с голубыми и красными полосами, как карамелька, клюв — нежно-фиолетовый, заостренный, похожий на клинок, а глаза яркие, зеленые, цвета молодой листвы, и мудрые, благосклонные».

¹⁰ Индрик — в русских легендах — животное, похожее на единорога, «всем зверям отец», способен общаться с людьми, мгновенно перемещаться в пространстве, властвовал над животными, «отцом» которых являлся, был верховным духом всех вод земных, произвольно может менять реальность. То есть, подобно Золотой Рыбке, выполнял желания. Если хотел.

¹¹ Гамаюн — в славянской мифологии — вещая птица, посланник бога Велеса, его глашатай, поющая людям божественные гимны и предвещающая будущее тем, кто умеет слышать тайное. Гамаюн всё на свете знает о происхождении земли и неба, богов и героев, людей и чудовищ, птиц и зверей.

¹² История описана в книге «Агентство помощники богов».

¹³ Шестерёчатый улей - многоярусная конструкция, где хранятся данные. Постоянно издает низкочастотный гул. Это аналог сервера. Шестерёнки — это сисадмины.

о встречах Владиславы, и отвечала на редкие звонки. В приёмной пахло кофе и мастикой для паркета.

Внезапно дверь распахнулась сама собой, хотя я точно помнила, что запирала её, и вдруг пронёсся сквозняк, принеший запахи прелой листвы, мокрой коры, грибов и глубокой, сырой земли. Температура в помещении упала, а моё дыхание облачком пара вырвалось изо рта.

Из угла, прямо из тени старинного напольного зеркала в дубовой раме, выступила фигура. Высокий, сгорбленный старик, поросший мхом и древесной корой. Вместо левой руки у него была ветка дуба, борода напоминала спутанный клубок сухих корней, а вместо глаз мерцали два тусклых желтых уголька. С его длинной бороды на дорожку ковер приёмной капала грязная болотная вода. Одет он был в армяк из еловых лап, а на ногах — самые настоящие лапти, оставляющие на светлом паркете черные следы лесной почвы. Это был Леший!

Я замерла, глядя на этот анахронизм посреди приёмной. Рука сама потянулась к тревожной кнопке под столешницей, но палец замер в сантиметре от неё. Вспоминать инструкцию Владиславы («Ничему не удивляйся») было поздно — сердце уже колотилось где-то в горле.

Леший медленно повернул свою тяжелую голову. Его взгляд мазнул по приёмной, по гербовым печатам на стене и остановился на мне. Один угол его губ дрогнул, приподнимаясь. Зубы у него были из острых сосновых щепок.

— Здравствуй, девица, — прогудел он голосом, похожим на треск падающего дерева. — Не бойсь. Мне тута надобно к хозяйке твоей. Важность у меня, — Леший вздохнул, отчего по комнате прошелся порыв ветра, качнувший шторы.

Я слотнула, поправила жакет и максимально вежливым, канцелярским тоном спросила.

— Вы по записи? У Владислава Богдановны до обеда совещание. Могу предложить вам запись на... — кинула взгляд на монитор, — на завтра. В два часа по полудню.

— Мне бы сейчас, надобно, — Леший моргнул желтыми огнями.

— Одну минуту, сейчас уточню, — быстро набрала номер Владиславы.

Я даже рта открыть не успела, как Владислава мне ответила.

— Буду через минуту.

— Вас примут сегодня, — положив трубку, ответила лешему. — Могу я вам предложить коврик вытереть ла... обувь? Или... простите, у вас бахилы есть?

Он важно кивнул своей мшистой головой.

— Есть—есть, внучка. Бабка Сорока навязала.

Он сунул узловатую руку за пазуху и протянул мне пару пушистых шерстяных изделий ядовито—розового цвета, связанных явно не по человеческой ноге.

Владислава с мужем вошли в приёмную ровно через тридцать секунд, леший как раз только и успел натянуть свои пушистые бахилы. Ни единый мускул не дрогнул на их лицах. Словно они каждый день видят лешего в приёмной.

— Доброго дня, уважаемый. Проходите, — вежливо пригласил лешего в кабинет Ярослав.

Я лишь молча, но с вежливой улыбкой проводила их взглядом. Всё время, что леший был в кабинете Владиславы, я не сводила глаз с двери.

— Всего доброго, Дубыня Коряжич, — ровно произнесла Владислава, легким жестом руки открывая дверь. — Мы направим запрос в Департамент лесного хозяйства сегодня же. Нарушители будут привлечены к общественным работам по пересадке молодняка осины. До свидания.

Леший обернулся ко мне. За пятнадцать минут, проведенных в кабинете, он как-то... преобразился. Мох на его плечах выглядел свежее, древесная кора блестела от смолы, а желтые угольки глаз потеплели. Он больше не казался древним чудовищем из чащи; скорее, это был строгий, но справедливый лесничий.

Он степенно поклонился Владиславе, издав звук, похожий на треск сухого дерева, а затем посмотрел на меня.

— Благодарствую, девица, — прогудел он. Голос теперь звучал мягче, без угрожающего рокота. — Уважила старика. По правилам приняла, вежливая, да чистоту блюдешь. Редкость ныне такое отношение.

Я растерянно улыбнулась, всё еще пытаюсь уложить в голове факт совместной работы «Департамента лесного хозяйства» с настоящими лешими.

— Не за что... обращайтесь.

Леший хитро прищурился. Один уголок его мшистых губ дрогнул в подобии усмешки. Он сунул узловатую руку куда—то под свою бороду—корень, пошарил там немного (я услышала звонкое позвякивание, будто льдинки столкнулись) и шагнул обратно к моему столу.

Положив прямо поверх моего ежедневника небольшую плетёную корзинку—туесок, сделанный из бересты, он отступил на шаг.

— От чистого сердца, — пророкотал дух.

С этими словами он просто растворился. Воздух в приёмной на секунду загустел, пахнуло хвоей, диким малинником и прохладой погреба, а потом снова стало тихо.

Я сидела неподвижно секунд десять, глядя на Владиславу и стоящего за её спиной Ярослава. Потом медленно перевела взгляд на стол.

Туесок, ручной работы. Внутри, переливаясь в свете ламп, лежала горка крупных, идеально ровных ягод лесной малины. Они были глубокого рубинового цвета, каждая размером с хорошую виноградину, и от них исходил такой густой, пьянящий аромат настоящего лета, что у меня защипало в носу.

Осторожно, боясь, что видение исчезнет, я взяла одну ягоду пальцами. Кожа ощутила бархатистую прохладу. Я положила её в рот. Это была дикая, живая ягода, сорванная час назад в самой чаще леса. Вкус оглушил. Сладость, легкая кислинка, запах земли, солнца и чего—то неуловимо древнего, чародейского. Это была не просто малина. Это была благодарность древнего существа. Владислава подошла и тоже взяла одну ягодку, через секунду раздался стон блаженства.

Ярослав лишь посмеивался над нами, пока мы с начальницей, тихо постанывая от удовольствия, ели малину.

С того самого момента я поняла — моя жизнь изменилась!

В целом же... изменилась не только моя жизнь. Изменилась вся Русь, которая медленно, со скрипом старого дерева и звоном натягиваемой тетивы, возвращала себе своё истинное

лицо. И центром этого преобразования, куда стекались все аномалии, жалобы и восторги, была Большая Якиманка, дом 45. Мое новое место работы.

Весна в этом году наступала не по календарю, а по велению свыше, обрушившись на Москву внезапно и шумно, буквально взорвавшись за окнами приёмной: снег сошел за два дня, обнажив черную, парящую землю, почки на деревьях лопались с тихими хлопками, похожими на выстрелы пробок от игристого, с крыш сорвалась настоящая лавина талой воды, а воздух загустел от запаха мокрой земли, прелых листьев и чего-то терпкого, дикого — запаха пробуждающейся силы, а воробьи орали так самозабвенно, что дрожали стекла.

Окно в приёмной было распахнуто настежь. Я сидела на подоконнике, болтая ногой в изящной туфельке—лодочке, и пыталась успокоиться, а на коленях у меня лежал пухлый гросс-бух в кожаном переплете, рядом же стояла чашка остывшего кофе.

Дверь приоткрылась без стука. В проеме показалась Гамаюн. Без золотого сияния, просто как очень красивая женщина с невероятно мудрыми глазами цвета темного янтаря. На ней был элегантный бежевый плащ, но под ним угадывались контуры сложенных крыльев. От неё пахло дождем и горьким миндалем.

— Чай есть? — деловито спросила птица—пророчица, проходя внутрь.

— Есть, — улыбнулась я, соскальзывая с подоконника. И подойдя к небольшому серванту в углу, достала её любимую чашку с золотой каемочкой. — Вам как обычно? С липовым медом и щепоткой времени?

Гамаюн кивнула, тяжело опускаясь в кресло для посетителей. Кресло жалобно скрипнуло — вес божественной сущности всё же отличался от веса обычного человека. Мы помолчали, слушая весенний шум улицы.

— Скучаешь? — она покосилась на мой стол, где царил, не смотря ни на что, порядок.

Я закатила глаза. Скука — это последнее слово, которым можно было описать мою жизнь последние три месяца.

— Если бы, — фыркнула я, ставя перед ней чашку. — Я теперь не секретарь. Я логистический координатор стихийных бедствий и управляющий по связям с общественностью фольклорного разлива. У меня должностная инструкция разрослась до размеров трёхтомника Льва Николаевича Толстого! Хотите послушать краткое содержание?

Гамаюн заинтересованно склонила голову набок, отчего её изумрудная брошь—змейка сверкнула в лучах солнца.

— Ну—ка, ну—ка, — сделала первый глоток Гамаюн.

Я начала загибать пальцы, зачитывая свой новый негласный список обязанностей:

— Усмирение стихийных праздников. Это пункт первый. Теперь я официально числюсь консультантом по организации Масленицы. Знаешь, что бывает, если Ярило и Лада приходят посмотреть на сожжение чучела Зимы в спальном районе? Правильно, плавится асфальт на три квартала вокруг, а МЧС потом списывает всё на прорыв газовой трубы. Моя задача — следить, чтобы блины были достаточно жирными (иначе Перун гневается), а соломенное чучело не имело портретного сходства ни с одним действующим политиком.

Гамаюн прыснула смехом.

— ... А ещё, медиация между ЖКХ и Нежитью, — продолжила я. — Мой любимый раздел. Водяные требуют перерасчета тарифов на холодную воду, потому что «из крана течет мёртвая вода, чешуя сыпется», и требуют заменить все чугунные трубы на серебряные, потому что те «поют фальшиво»! Я им доказываю, что луженое олово тоже сойдет, если добавить в воду немного заговоренной мяты. Домовые объявили забастовку во всем Южном округе, спря-

тав все носки жильцов в вентиляцию, пока им не установят скоростной ПУПС¹⁴ нового поколения, дабы они могли общаться через чарофоны. А Банники?! О, Банники требуют установить в общественных банях золотые шайки и выдавать клиентам персональные веники из травы забвения. И мне приходится составлять протоколы разногласий! А логистика артефактов? Вы не представляете, сколько мороки с инвентаризацией. Меч—кладенец постоянно пытаются сдать в цветмет. Шапка—невидимка вечно теряется на самом видном месте. А скатерть—самобранка вчера подала жалобу в профсоюз, потому что Княгиня пролила на неё свекольный сок, и теперь та выдает только борщ, даже когда просишь у неё взвар. Мне пришлось оформлять ей больничный лист! А Индрик?! У нас же Индрик начал менять зимнюю гриву на летнюю. Это три центнера конского волоса с золотыми прожилками ежедневно. Раньше мы просто сжигали его в камине Владиславы, а теперь экологическая инспекция штрафует за несанкционированный выброс чар—частиц в атмосферу. Пришлось заключать контракт с ткачами из Ярославля. Теперь они плетут из этого волоса бронежилеты, которые не берёт даже заговоренный свинец. Моя задача — следить, чтобы Индрик вычесывался строго над упаковочной пленкой и не плакал от горя, расставаясь со своей гривой, ибо слёзы делают материал зело жгучим и непригодным к дальнейшей работе!

Гамаюн уже не сдерживаясь, отставив чашку, она хохотала в голос.

— ... Работа с почтой и депешами превратилась в аттракцион! — выплёскивала я накипевшее. — Обычная идёт на чарокомп, а вот послания, прилетевшие в виде стрел, написанные кровью на бересте или доставленные говорящим вороном, требуют отдельной регистрации в журнале «Входящая мистика». Их нельзя вскрывать без перчаток — одна такая депеша от Перуна самовоспламенилась прямо на столе, оставив после себя только запах гари и пепел. А голубиная у них, видите—ли, отмирает как класс. Представляете, почтовый филин вчера потребовал оплачиваемый отпуск и клюнул меня в палец, когда я отказалась давать ему отгул по причине «полнолуния и экзистенциального кризиса». Заказ канцелярии превратился в логистику чудес. Обычные ручки закончились еще в феврале, когда Велес решил подписывать указы только самопишущими гусиными перьями. Пришлось заключать договор со стаями жар —птиц. А бумага?! Они же теперь все отказываются работать на целлюлозе, подавай им настоящую бересту формата А4. Где мне её брать тоннами? Еле нашла артель в Сибири, теперь разгружаем фуры. А вчера вот Полуденицы взбунтовались! Из—за ранней весны они проснулись злые и голодные. Теперь мне нужно согласовывать графики полевых работ аграрных артелей так, чтобы ни один тракторист не попал под прямые солнечные лучи с 12:00 до 14:00. Иначе штрафы комбайнёрами им выплачивать будем. Вы представляете?!

Гамаюн лишь могла качать головой, хохоча и утирая слёзы.

— ...Ну и вишенка на торте — **отчетность Симаргла**, — я махнула рукой в сторону лотка для входящей почты, где высилась гора берестяных грамот. — Он же теперь наш главный выездной инспектор. Летает, блюдет порядок. Но писать отчеты ненавидит. Приносит мне дымящиеся куски коры с выжженными буквами и говорит: «Дашенька, оформи». И я печатаю в чарокомпе: *«Симарглом проведена беседа с Лешиим касательно несанкционированного роста мухоморов вблизи парковки. Вынесено устное предупреждение.»*

Я выдохлась, перечисляя всё это. Гамаюн всё так же мелодично хохотала, и звук её голоса заставил стрелки часов в приёмной пойти чуть медленнее. За окном воробьи цвета лазурита дрались за крошки с тем самым агрессивным видом, который обычно приписывали уличным голубям.

— Весна, — отсмеявшись, философски заметила Гамаюн, поправляя вуаль. — Время пробуждения. Держись, девочка. Сейчас ещё вот пройдет ледоход на Москве—реке, русалки

¹⁴ ПУПС – Проводной Узел Передачи Сообщений – аналог нашего интернета.

начнут требовать права на рыболовство, а сезон шашлыков откроет сезон лесных пожаров. Работы будет хоть отбавляй.

— И не говорите... — вздохнула я. — А можно вопрос? Когда этот бардак закончится? Когда Русь окончательно проснется?

Гамаюн допила свой чай. На дне чашки остался странный узор, напоминающий карту звездного неба.

— А он не закончится, деточка, — спокойно сказала пророчица, вставая с кресла. — Он теперь всегда такой будет. Просто ты привыкнешь. Просыпаться — процесс долгий, хлопотный. То одеяло скинешь, то чихнешь, то ногу сведет. Твоя работа сейчас — подавать тапочки этому великану, пока он потягивается.

Она шагнула к двери, обернулась, сверкнув лукавым глазом:

— А сейчас тебе из мэрии позвонят, там похоже жар—птицы опять памятник Жукову обсидели... — и исчезла в облаке золотых искр, оставив после себя лишь слабый аромат миндаля и звук настоящей, живой весны.

А я осталась одна. Вздохнула, открыла свежий бланк объяснительной и начала печать заголовок: *«Почему Кикимора Болотная явилась на совещание в Департамент градостроительства в одной только тине»*. Тишину приёмной разорвала трель чарофонного звонка...

Рабочий день на Большой Якиманке, 45 затих. За окном окончательно стемнело, и уличные фонари бросали на мокрый асфальт дрожащие пятна света.

Я выключила свой чарокомп — экран в последний раз вспыхнул сапфировым светом и погас. Горыня уже полчаса как испарится домой, к Богдане. Владислава укатила еще днем на важную встречу, оставив меня закрывать табель нашего слегка разросшегося «отдела».

В приёмной царила приятная тишина, пахло недавней грозой и немного мятой от моего чая. Накинув легкий плащ, я подхватила ридикюль и уже взялась за ручку входной двери приёмной, когда воздух в центре комнаты пошел рябью. Никаких чар, никакой вспышки.

За три месяца работы здесь удивляться внезапным появлениям я перестала. Это была рутина. Просто пространство словно моргнуло, и он оказался прямо посреди ковра. Это было настолько привычно, что я даже не вздрогнула.

Он возник прямо из пустоты. Высокий, одетый во всё черное: идеально скроенный костюм, который выглядел слишком дорого для простого смертного, тяжелое серебряное кольцо—печатка на пальце и волосы цвета воронова крыла, падающие на лоб небрежной, но продуманной волной. На вид ему было лет тридцать. Красавчик. Тот самый типаж «опасный мужчина», от которого тётя Глафира велела держаться подальше.

Только вот красавчик был бледен как смерть. Он сделал шаг ко мне, пошатнулся, оперся рукой о стену, оставляя на дубовых панелях черные следы копоты, и посмотрел на меня. Его глаза были угольно—черными, и в них стояла такая бездна усталости, что мне стало не по себе.

— Вам плохо? — участливо спросила я, делая шаг навстречу. — Может, воды? Или вызвать целителя?

Его лицо исказилось гримасой боли. Взгляд начал блуждать по комнате, не фокусируясь ни на чем конкретно, пока наконец не остановился на мне. В этот момент колени его подогнулись.

Он падал абсолютно беззвучно. Никаких криков, никакого хруста — просто тяжелое тело начало заваливаться вперед.

У меня даже пульс не участился. Профессиональная деформация сработала быстрее рефлексов обычной девушки. «Истощение резерва, — пронеслось в голове. — Или откат портала».

Шагнув в сторону, я пропустила падающее тело на мягкий ковер. Мужчина рухнул навзничь, раскинув руки, и замер. Только грудь тяжело вздымалась под дорогим кашемиром.

Паника? О нет. Работа у Владиславы учит реагировать быстро. Если в твоей приёмной падает без сознания брюнет—красавец, да хоть трехголовый змей, значит, так надо. Это всего лишь обычный рабочий вторник.

Метнулась обратно к столу. Палец уверенно вдавил кнопку экстренного вызова под столешницей. Короткий сигнал пискнул, сообщая, что сообщение отправлено Ярославу Лаврентьевичу и Горыне. Кто быстрее доберётся.

Налив в стакан воды, подошла к лежащему мужчине. Он дышал ровно, но очень поверхностно, будто экономил каждую крупницу энергии. Я опустилась на колени рядом. Вблизи он оказался еще красивее: высокие скулы, густые ресницы, четкая линия подбородка, мой внутренний эстет отметил, что форма губ у него идеальная для поцелуев, хотя характер наверняка скверный.

«Экземплярчик что надо», — мелькнула в голове шальная мысль, даже без сознания он выглядел опасно—притягательно. Решив привести его в чувство старым дедовским способом, я обмакнула пальцы в воду и хотела аккуратно похлопать его по бледной щеке. Только я занесла руку, как это случилось.

Мои пальцы замерли в миллиметре от его кожи. Глаза его распахнулись. И это были не человеческие глаза. Зрачки вытянулись в вертикальные щели, а радужка полыхнула жидким золотом. В то же мгновение его рука, до этого безвольно лежавшая на ковре, молниеносно взметнулась. Стальной хват пальцев сомкнулся на моем запястье. Одним резким, нечеловечески сильным рывком он перекатил меня через себя. Рывок был такой силы, что законы физики временно уволились. Меня дернуло вниз, мир перевернулся, и через секунду я оказалась распластанной на полу, больно ударившись лопатками. Где—то рядом послышался плеск воды и звук разбитого стакана.

Тяжелое, горячее тело придавило меня сверху, лишая возможности вдохнуть. Одна его рука мертвой хваткой держала оба моих запястья над головой, вторая упиралась в ковер возле моего плеча. Наши лица оказались в опасной близости. От него пахло сухим камнем и чем—то диким, звериным. Золотые глаза смотрели сквозь меня. Он тяжело дышал, обнажая в оскале удлинившиеся верхние клыки.

Я открыла рот, чтобы спросить, какого лешего происходит, но смогла выдавить только тихий: — Пф...

Именно в этот момент дверь приёмной с грохотом распахнулась, едва не слетев с петель.

На пороге стоял Ярослав Лаврентьевич Соболев. Без пиджака, с закатанными рукавами рубашки, обнажавшими крепкие предплечья. Лицо полковника выражало высшую степень недоумения.

Он окинул взглядом открывшуюся композицию: секретарь Дарья Шулянская лежит на полу, надежно зафиксированная неизвестным мужчиной модельной внешности в позе, которая однозначно нарушает все пункты трудового договора о домогательствах.

Ярослав моргнул. Протер глаза. Снова надел. Картина не изменилась.

— Так, — спокойно произнес полковник Соболев, доставая из кармана амулет—передатчик. — Горыня, отбой тревоги. Код "Синий". У нас тут несанкционированный физический контакт категории А. Спускайся, наш Василий объявился. И захвати аптечку.

В следующую секунду хватка на моих руках ослабла. Мужское тело надо мной обмякло, превращаясь из монолитного пресса в просто очень тяжелого человека. Он уткнулся лбом

мне в плечо, судорожно выдохнув, и прошептал куда—то в ткань моей блузки: — Простите... рефлекс...

— Интересный способ знакомства ты выбрал, Шуйский, — невозмутимо произнес Ярослав. — Помочь подняться? Или может мне выйти? Вдруг вы еще не закончили знакомство и ты собирался перейти к горизонтальным переговорам?

Брюнет надо мной глухо застонал, пряча лицо глубже. Кажется, уши у него тоже начали стремительно краснеть.

— Она... пахнет правильно, — хрипло выдохнул он мне в шею.

Пальцы его наконец разжались, и мужчина безвольно скатился вбок, растянувшись на ковре во весь свой немалый рост.

Я села, тяжело дыша и судорожно поправляя сбившийся воротник блузки и съехавший жакет. Щеки горели то ли от удара о жесткий ворс, то ли от внезапной близости с этим «экземплярчиком».

— Спасибо за комплимент, — буркнула я, стараясь вернуть себе профессиональную невозмутимость офис—менеджера, хотя сердце всё еще пыталось пробить ребра. — Обычно мужчины начинают хотя бы с «здравствуйте» или предложения выпить кофе. Полежать на полу — это уже второе свидание.

Брюнет тем временем сел. Его идеально скроенный костюм теперь годился только для мытья полов, а на бледном лице проступила испарина. Он выглядел так, будто лично толкал впереди себя товарный состав от Владивостока до Москвы.

— Василий? — удивленно рыкнул Горыня, появляясь за плечом Соболева и опуская аптечку. — Ты чего здесь делаешь? Ты ж где—то под Мурманском должен полярное сияние голыми руками ловить.

Василий поморщился, словно упоминание Мурманска причиняло ему физическую боль.

— Я не был под Мурманском, — глухо ответил он, массируя переносицу. — Я был в Писаной... Сегодня днем я почувствовал нарушение границ.

После этих слов Горыня и Ярослав нахмурились.

— И что? Мало ли нелегалов сейчас шастает. Беженцы, потерявшиеся туристы. Стоило из—за этого врываться в приёмную? — нахмурилась я.

— Это были не физические нелегалы, — покачал он головой. — Физического тела можно коснуться, — продолжил мужчина, поднимаясь на ноги. Теперь он двигался плавно, собирая себя в единое целое, как боевой механизм. — От физического тела остается запах, следы на паркете и запись на камерах наблюдения. А то, что я почувствовал сегодня... оно не имеет плотности. Оно не дышит. Оно просто вычитает реальность вокруг себя. Это Скверна. Я не видел её, — Василий устало провел рукой по волосам, убирая со лба влажную прядь. — И никто бы не увидел. Она... нематериальна. Как сквозняк из—под двери. Я смог лишь почувствовать этот холод кожей и позвать Чура.

Имя древнего духа заставило воздух в приемной стать плотным.

— Он справился, — глухо продолжил Шуйский, опираясь спиной о стену, так как стоять ровно ему давалось с видимым трудом. Василий поднял на нас абсолютно больные глаза. — Нужно предупредить всех.

Ярослав Лаврентьевич, который за секунду превратился из расслабленного мужа обратно в полковника службы безопасности, коротко кивнул. Его движения стали резкими, скупыми.

— Мы этим займемся...

— А мне нужен отдых, — перебил его Василий, отталкиваясь от стены. Его заметно пошатывало, а кожа приобрела тот специфический сероватый оттенок, который бывает у людей после большой кровопотери или тяжелого магического истощения. — Если я сейчас попытаюсь перенестись, меня размажет тонким слоем от Китай—города до Преображенской. Пойду пешком. По старинке.

Он сделал шаг к выходу, тяжело переставляя ноги.

Ярослав ободряюще хлопнул друга по плечу: — Вась, ты держись. Завтра к обеду будь на ногах. Нам понадобится твоя голова ясной.

Шуйский лишь молча дернул подбородком в знак согласия. Мужчины переглянулись. Не было ни вспышек, ни грома. Просто пространство над диваном для посетителей пошло густой рябью, исказилось, и фигуры Горыни и Ярослава просто растворились в воздухе. Василий постоял еще мгновение, затем он медленно развернулся и побрел к выходу из приёмной. На пороге он замер. Обернулся.

Это был очень странный взгляд. Оценивающий. Пронизывающий. Так ювелир смотрит на необработанный алмаз, прикидывая, сколько граней нужно нанести, чтобы тот засиял, или расколется ли камень от первого же удара. В глубине его черных глаз мелькнуло узнавание, смешанное с тревогой. Будто он только что увидел во мне что—то, чего не замечал раньше.

Наши взгляды встретились на долю секунды. Я замерла, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Что это значило? Почему он смотрит на *меня* так, будто я следующая в списке этой твари?

— Что? У меня что—то на лице? Или молния на юбке расстегнулась? — непроизвольно поежилась и поправила воротник блузки, чувствуя, как щеки снова заливают краска, но теперь уже от неловкости и холода.

Василий моргнул, сбрасывая наваждение. Уголок его губ дрогнул в слабой, вымученной усмешке.

— Нет, барышня. Всё в порядке. Вы... очень правильно пахнете. Для человека.

С этими словами он толкнул входную дверь и молча вышел в коридор. Тяжелая дубовая дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Я осталась одна. Снова. Только теперь посреди приёмной, где на ковре осталась лужа от пролитой воды и осколки разбитого стакана, а в воздухе висел запах беды. Я пожалала плечами. Мало ли что могло вызвать такой взгляд у мужика, который последние четыре месяца ловил северное сияние (или чем он там на самом деле занимался в Писаной). Усталость, магическое истощение... Может, я просто напоминаю ему бывшую жену. Или начальницу налоговой инспекции. Да мало ли. У каждого свои скелеты в шкафу и тараканы в голове.

Вздохнув, накинула на плечо ремешок ридикюля и щелкнула тумблером общего освещения. Золотистый свет погас, оставляя комнату во власти уличных фонарей. Рабочий день официально закончился. Второй раз за сегодня.

Выйдя наконец на улицу, я вдохнула прохладный весенний воздух. Голова слегка гудела. Хотелось горячего чая, пушистого пледа и чтобы кто—нибудь объяснил мне, почему работа секретарем оказалась опаснее, чем должность сапера. Вздохнув ещё раз, плотнее запахнула плащ и решительно зашагала к метро. Домой.

Василий Шуйский.

Я стоял в густой тени доходного дома напротив конторы, прислонившись плечом к ледяному граниту, и не двигался с места, пока рыжая макушка барышни Дарьи — и её изумрудные глаза, которые успел рассмотреть слишком близко, — не скрылась в толпе спешащих к метро горожан. Только сейчас, когда барышня почти растворилась в вечерней толпе, позволил себе закрыть глаза и медленно выдохнуть сквозь стиснутые зубы.

В голове билась только одна мысль, острая и злая, как осколок стекла: *Как? Как я мог так просчитаться?*

Всё должно было быть иначе. Я же знал, что контора будет пуста минимум до утра. Мне нужна была всего одна ночь. Одна шишова¹⁵ ночь тишины, чтобы просто рухнуть на диван в кабинете Ярослава и провалиться в сон без сновидений.

А теперь всё пошло прахом. Из—за одной рыжей девчонки с глазами цвета малахита.

Воспоминания нахлынули сами собой. Это случилось год назад... Год назад моя жизнь разделилась на «до» и «после», проведя жирную черту гниющей смолой по самому сердцу. Всё началось в ту проклятую ночь, ровно двенадцать месяцев назад, умер тот, кто был ближе брата. Я помнил лишь липкий ужас морга, свинцовую тяжесть в ногах и вкус дешевой водки, которой пытался залить пожар внутри. Я напился до беспамятства, до потери человеческого облика, запершись в старой охотничьей заимке под Звенигородом.

Именно там это и случилось.

Я не звал его. Древний дух сам нашел лазейку в пьяном, сломанном разуме. Чур¹⁶ ворвался в меня не как гость, а как завоеватель. И он был сильнее. О, боги, насколько же он был сильнее смертной оболочки боярина Шуйского!

Древний дух почти победил меня. Почти вытеснил сознание человека в самые темные углы подсознания, превратив моё тело в свою марионетку. И любил этот древний суровый дух Азовку¹⁷ — волею судьбы оказавшуюся в теле Марии, жены самого Князя.¹⁸

Вот только Чур любил свой мираж, свою каменную богиню, а я... Я видел перед собой женщину. Живую, властную, язвительную Марию. И тоже любил её. Это была чужая, неправильная, выжженная дотла чужой волей любовь. Она текла по моим венам вместо крови, заставляя совершать поступки, от которых потом хотелось разбить голову о стену. Но сделать я ничего не мог. Руки сами тянулись к ней, разум туманился при звуке её голоса.

Лишь полгода спустя, когда Симаргл смог вытащить из меня и Княгини Марии сущности Чура и Азовки, я впервые за долгое время смог вздохнуть полной грудью. Свобода опьянила. Казалось, кошмар кончился.

Но нет. Чувства Чура оказались настолько сильны, ввелись так глубоко, что даже чистый сосуд моего тела продолжал любить Марию. Пусть в ней больше не было ни капли древней магии Азовки, пусть она смотрела на меня лишь как на постороннего — сердце моё заходило болью каждый раз, когда она отворачивалась.

Через две недели после «освобождения» я пришел к покоям Князя. Не боярином, не воином — побитой собакой. Упал на колени прямо на дорогие ковры и взмолился: — Отправь меня куда—нибудь. На край света. В Навь, в Пекло, в Тмутаракань. Или вели казнить меня. Иначе я сорвусь. Я возьму её силой или убью любого, кто косо посмотрит в её сторону. Я себя не контролирую. Эта одержимость сожрет меня заживо.

Князь тогда долго молчал. А потом в комнате возник Симаргл. Белоснежный крылатый пес, Посланник Богов. Он подошел ко мне, ткнулся мокрым носом в висок и тихо сказал человеческим голосом:

¹⁵ Шиш — это нечистая сила, проказливый и злобный дух. Шиш любит пакостить. Там, где он поселялся, хозяйство приходило в запустение: пропадали припасы, пустел двор, в овине оставалась лишь мякина. Он мог шуметь, пугать людей, устраивать беспорядок. В гневе люди «посылали» к шишам тех, кто был им докучлив.

¹⁶ Чур — это дух-хранитель, который оберегает границы: и физические (свой надел земли, дом, двор), и метафизические (рубеж между миром живых и миром духов). Слово «чур» использовалось как оберег для отгона нечистой силы («Чур меня!»), очерчивания магического круга защиты. Считается, что Чур следит за соблюдением клятв и договоров, являясь воплощением совести и справедливости предков.

¹⁷ Азовка—девка или Малахитница — это дух места, страж кладов и сокровищ, скрытых в недрах земли. Чаше всего её представляют как молодую девушку, что подчёркивает связь с женским началом и природой.

¹⁸ История Чура и Азовки, описана в книге «Старые боги новых времён».

— Я могу помочь тебе. Но это будет долго. Очень долго. И больно. Ты готов стать никем ради того, чтобы снова стать собой?

Я готов был на всё!

Симаргл отправил меня в Томскую Писаницу¹⁹. Там, среди древних скал с петроглифами²⁰, где само время течет иначе, я жил практически отшельником последние шесть месяцев. Медведи обходили мою берлогу стороной, а местные шаманы приносили мне еду, боясь смотреть в глаза.

И вот сегодня, именно сегодня состоялся обряд. Невероятно сложный и невероятно грязный ритуал очищения, какой только знал Симаргл. Он вымывал из костей, из крови, из сердца, из самой моей души память о запахе кожи Марии, о цвете её глаз, о тепле её рук. Всё вымывали! Боль была такой, что смерть казалась милосердием.

Когда всё закончилось, солнце уже село. Я лежал на холодных камнях, пустой и легкий, словно сухой осенний лист. Условие обряда было жестким и абсолютным: до первого луча рассвета я не должен видеть лица женщин. Ни одной. Потому что душа, очищенная до состояния белого листа, впитывает первый же образ навечно. И я прикиплю намертво, стану рабом первой встречной, будь то безобразная старуха, младенец или краса—девица с изумрудным огнём в глазах и червонными кудрями.

Я был слаб. Готов был остаться ночевать в сырой пещере, завернувшись в медвежью шкуру. Но тут мир содрогнулся. По нервам ударило током — вторжение. Скверна. Та самая дрянь, которую не ждали, о которой не ведали.

Выбора не было. Чтобы защитить границу, нужен был Страж. Нужен был Чур. Я воззвал к нему. Древний дух явился мгновенно, недовольный, ворчащий, но дело свое сделал — закрыл прореху мастерски, впаяв кусок новой реальности поверх гнили. «Предупреди всех, — прохрипел Чур, исчезая. — Один в следующий раз я могу и не удержать».

И я решился. Решился переместиться порталом. Прямоком в контору. Логика была железной: там свои. Там только Горыня и Ярослав. Кто же знал, что именно сегодня вечером эта рыжая задержаться на работе, наводя порядок в картотеке, ну или что она там делала?

Я смотрел на удаляющуюся фигурку барышни, плотнее запахнувшую плащ. Её походка была легкой, чуть подпрыгивающей. Обычная московская барышня. Уставшая после работы. Совершенно обычная и совершенно необыкновенная...

Она пахнет правильно. Эти слова Чура, сказанные мной, пока прижимал её к полу, эхом отдавались в черепе. Правильный запах. Безопасный. Родной. Для древнего духа границы всё, что не несло угрозы очагу, было «правильным».

Но я—то не был духом. И понимание обрушилось холодной лавиной ужаса. Обряд очищения прошел успешно. Мою душу выскребли дочиста. И сегодня, нависая над ней на полу приёмной, моё абсолютно пустое, чистое, изголодавшееся естество увидело первую женщину.

И оно потянулось к ней. Инстинктивно. Рефлекторно. Заполняя пустоту тем, что оказалось ближе всего. И она пахла *жизнью*. Теплом. Кровью. Человеческой суетой.

Проклятье. Обряд пошел прахом. Я думал, что спасся от любви к Марии, а вместо этого только что привязал себя к ней. К барышне, от которой пахнет чаем с мятой, малиной и чернилами, которая читает книжки и не любит сквозняки.

¹⁹ Томская Писаница — памятник наскального искусства на реке Томь и историко—культурный и природный музей—заповедник в Яшкинском районе Кемеровской области — Кузбасса. Один из наиболее известных петроглифических комплексов Сибири и первый музеефицированный памятник наскального искусства в России.

²⁰ Петроглифы — это древние изображения, которые люди создавали на камнях: выбивали, гравировали, процарапывали или наносили краской. Само слово пришло из древнегреческого: *πέτρος* («камень») и *γλυφή* («резьба»). В русском языке такие рисунки иногда называют «писаницами» — от глагола «писать».

Из парадного вышел дворник, подозрительно покосившись на дорого одетого господина, стоящего столбом в темноте. Я очнулся. Нужно было уходить. Идти пешком через полгорода, чтобы хоть немного заземлить эту безумную, внезапно вспыхнувшую тягу.

Оттолкнулся от стены. Ноги слушались плохо, суставы ныли после телепортации. Медленно, стараясь не привлекать внимания, двинулся прочь от конторы. Каждый шаг давался с трудом, будто шел против сильного течения реки.

Уже дойдя до угла переуллка, не выдержал. Резко развернулся. Взгляд метнулся к толпе людей, и сразу же выхватил её силуэт.

— Дар-р-рь-я... — шепнул, словно пробуя на вкус её имя.

Живая. Тёплая. Настоящая. Клеймо на душе, поставленное самой судьбой. Теперь — мой личный сорт проказы... И пусть только кто—нибудь посмеет глянуть в её сторону косо.

Резко отвернулся, и шагнул в густую темноту арки, ведущую в лабиринты старых дворов.

Глава 3

Даши.

Утро началось с того, что я проспала. Будильник просто не сработал — стрелки намертво застыли на трех часах ночи, а кукушка внутри, видимо, тихо скончалась от разрыва механизма еще во сне. Причиной тому, что я проспала, был он. Шуйский. Взял, да и приснился мне.

Сон был до одури реальный, липкий и пахнущий пещерой. Вот только это не был запах тлена или сырости — это был аромат самой земли, глубокий и первородный. Он бил в ноздри густым настоем мокрого известняка, озона после давних гроз и чего—то металлического, похожего на холодную медь. В этой смеси угадывались нотки затухающего костра и сухой пыли веков, которая скрипела на зубах, если сделать слишком резкий вдох. Воздух здесь казался живым: он дышал тысячелетним сном камней. Так пах он. Василий Шуйский.

Он стоял в темноте моей спальни. Его черные глаза светились в полумраке, как угли в печи. Он ничего не говорил, только медленно тянул ко мне руки — не чтобы схватить, а словно пытаюсь коснуться. От его ладоней исходил такой могильный холод, что у меня онемели губы.

«*Ты моя печать*», — прошептал он, прежде чем я закричала и проснулась в своей кровати, судорожно вцепившись в одеяло.

В контору я вошла ровно в девять ноль—ноль, чувствуя себя так, будто всю ночь разгружала вагоны с чугунными болванками. Голова гудела, во рту пересохло. Я плеснула себе воды и рухнула в свое кресло. Нужно было работать. Рутинка лечит лучше всего.

Я включила чарокомп. Первым делом нужно было оформить вчерашний инцидент для архива. «*Шуйский В.И., несанкционированный физический контакт категории А*». Пальцы забегали по перламутровым клавишам, ища в недрах чарокомпа карточку сотрудника. Ага, вот она. Первым делом на экране появился снимок Шуйского. Ну что сказать, вчера мне не показалось. Хищник. Как есть — хищник. Только в сютуке с иголки и в галстук. Лицо... Красивое? Да. Пугающее? Очень! Волосы цвета воронова крыла. Прямой нос. Скулы — резкие, острые, чуть поросшие темной щетиной, казалось, проведешь пальцем — порежешь руку о его челюсть. Губы плотно сжаты в тонкую, неодобрительную линию, но всегда готовые дрогнуть в кривой усмешке. И под смоляными дугами бровей глаза. Черные—черные, как сама бездна! Даже со снимка могущие проникнуть в душу. Моргнула и перелистнула дальше.

Итак:

ФИО: Шуйский Василий Иванович.

Статус: Капитан особого отдела.

Происхождение: Потомственный боярин (вот это поворот), потомственный военный.

Назначение: Полгода назад откомандирован в спецподразделение под командование полковника Соболева Я.Л.

Связи: Друг майора Разумовского Г.И. (Горыня).

Примечания: наблюдается нестабильность после контакта с духом Чуром. Рекомендуется отстранение от дел или отпуск.

Я откинулась на спинку кресла, жуя кончик ручки. Ишь ты, одни бояре да высокие чины вокруг.

Дверь приёмной распахнулась, вошла моя начальница. Выглядела Владислава... специфично. Идеальный костюм сидел безупречно, но её волосы слегка дымились, а на скуле проступало свечение, похожее на лишайник. Она закатила глаза к потолку так сильно, что, казалось, увидела саму Млечную Тропу. Это движение явно адресовалось мне и означало примерно следующее: *«Снова эти бессмертные нытики, Даш, прости, вызывают к Князю, буду поздно, держись»*.

Она бросила стопку бумаг мне на стол:

— Я всё подписала. Кроме отчета для Жукова, чуть позже почитаю внимательнее и внесу правки.

— Владислава Богдановна, — начала я осторожно, пока она крутила в руках ключи от машины. — Со мной происходит какая-то дичь. Я вижу... ну... свечение. Такое разноцветное. Над людьми. У вас вот волосы как будто дымятся, и на скуле что-то на светящийся мох похожее. А над кофемашиной оно, ну в смысле свечение, почему-то злое, пузырится.

Владислава замерла. Посмотрела на кофеварку, потом на меня. Вздохнула.

— Расслабься, Даш. Это называется *Спектральное Зрение*. Побочный эффект постоянного нахождения в радиусе действия божественных сущностей. Симаргл вчера фонил, я фонила... У тебя же дар, пусть и не большой, но есть, видимо, ты просто настраиваешься на частоту. Через неделю либо пройдет, либо привыкнешь. Главное, не пытайся анализировать свечение Индрика, иначе заработаешь мигрень до следующей весны.

Она развернулась, чтобы уйти, но тут дверь приёмной распахнулась с таким треском, будто её вынесли тараном.

На пороге стояло существо ростом метр двадцать, отдаленно напоминающее гибрид очень сердитого барсука и пожилого прораба со стройки. На нем был линялый малиновый пиджак, который явно жал под мышками, на шее висела массивная золотая цепь (настоящая, судя по весу), а в лапах он сжимал пухлую кожаную папку. От него пахло прелыми листьями, брагой и почему-то валидолом.

— Мне назначено! — пропищало существо голосом человека, выкуривающего пачку сигарет в день. — По записи! Кипиш-Безсон Феофанович!

Он уверенно прошагал мимо опешившей меня прямо к столу Владиславы и с грохотом обрушил на него свою папку.

— Я глава независимого профсоюза домовых, овинников и прочей низовой нечисти всей Руси! — заявил гость, поправляя съехавший набок галстук—бабочку из мешковины. — Моя организация представляет интересы тех, кто реально работает, пока вы тут бумажки перекладываете! Мы требуем соблюдения Трудового Стоглава!

Владислава лишь тяжело вздохнула.

— Присаживайтесь, Кипиш-Безсон Феофанович. Чай? Или может быть взвару?

— Не откажусь, — мгновенно сменил тон барсук, плюхаясь в гостевое кресло и закидывая лапу на лапу. — Только мне без сахара, у меня диабет от этих ваших офисных печенок трансгенных.

Я всё еще стояла столбом, видя пульсирующую желтую ауру профсоюзного лидера и вдруг я почувствовала запах. Запах ауры домового. Его аура пахла старыми валенками и легким оттенком плесени. Автоматически потянувшись за чашкой, я задела стопку гербовой бумаги. Лист спланировал на пол.

Кипиш проследил за ним взглядом.

— Аккуратнее надо быть, девица! Документы нынче дорогие. Особенно вот эти, — он начал шуршать бумагами, выкладывая на стол Владиславы бланки. — Мы требуем пересмотра тарифной сетки! Посмотрите на это издевательство!

Я заглянула через плечо начальницы, пытаюсь прочесть заголовки:

«Коллективное челобитное о доплате за вредность при контакте с экзальтированными туристами». К ведомости прилагались счета за успокоительные настойки пустырника.

«Исковое челобитное о переквалификации "Шапки-невидимки" из разряда реквизита для молодецких забав в разряд средств личной охранной грамоты». Домовые жалуются, что их понуждают воровать лапти у леших ради укрепления духа артельного, и требуют выплаты виры за увечья, полученные при исполнении.

«Жалоба на нарушение режима тишины. Иск против Соловья-разбойника, который насвистывает песни группы "Грубый июль" во время обеденного сна».

— У него почасовая оплата свистом, — мрачно пояснила Владислава, беря в руки ручку —самописку. — И он считает, что переработки должны оплачиваться в двойном размере.

Кипиш—Безсон тем временем окончательно освоился. Он уже стащил со стола вазочку с карамельками и громко ими хрустел.

— И вообще! — вещал он с набитым ртом, периодически сбиваясь на древнерусский падеж. — Почему премии выдают амброзией? От неё шерсть седеет и естество пучит! Где наши исконные борзые щенки? Где эти треклятые отгулы в Вальгалу?! Короче, боярыня, вот здесь подпишите, что ознакомлены, и тута, где обязуетесь выдать каждому баннику по новому ёршику для нужника за счет бюджета отдела!

Я смотрела на серьезную морду мистического существа, требующего ершики за государственный счет, и чувствовала, как паника последних часов отпускает. М—да—а—а... Чары и мистика — это не эпичная битва добра со злом. Это бесконечная абсурдная бюрократия.

Я взяла из рук Владиславы тяжелый латунный дырокол и с самым серьезным видом поставила отметку «Принято в работу» на жалобе о свисте.

— Вот это подход! — одобрил домовый, слизывая крошки с усов. — Сразу видно — свой человек. Дарья, да? Будешь в нашем профсоюзе отвечать за сектор жалоб? Оклад плюс процент от взысканий с водяных.

Когда Кипиш—Безсон Феофанович наконец удалился, забрав папку и оставив после себя запах кислой капуста, в кабинете повисла тишина.

— Поздравляю, — сказала Владислава, разминая затекшую шею. — Ты сейчас прыгнула через канцелярско—бюрократический костёр нечисти. Как самочувствие?

— Тяжелая голова, — честно призналась я, глядя, как кофемашина пускает радужные пузыри пара. — Но кажется, я начинаю понимать, почему тётя Глафира всегда говорила, что работа с людьми — это Пекло. Оказывается, она имела в виду буквально всех существ. Включая барсуков в малиновых пиджаках.

Мы с Владиславой несколько секунд помолчали, в воздухе всё еще витал густой дух квашеной капусты и валидола, оставленный домовым—профсоюзником. Я судорожно пыталась

соотнести увиденные ауры с должностной инструкцией секретаря, но инструкция почему—то умалчивала о барсуках в малиновых пиджаках.

— Ладно, — выдохнула Владислава, поправляя кружевные манжеты своего горчичного костюма. — Главное пережили. Я попробую разобраться по поводу этих тре...

Договорить она не успела.

Воздух в кабинете пошел густой рябью, словно море над раскаленным асфальтом, пространство схлопнулось беззвучно, и прямо в центре ковра возник Симаргл, как всегда, осыпая пространство серебристыми искрами. Он шумно втянул носом воздух, повернув массивную голову в мою сторону. Его древний взгляд скользнул по мне, задержался на мгновение — желтые глаза оценивающе прищурились — а затем он отвернулся, вновь приносясь.

Именно в эту секунду дверь кабинета распахнулась от легкого толчка. На пороге стоял Василий Шуйский.

Мы с Владиславой синхронно перевели взгляды на него, а затем переглянулись. Я отметила это краем сознания, пытаясь сопоставить факты: сегодня капитан выглядел значительно лучше, чем вчера, не говоря уж о моём сне. Сорочка была идеально выглажена, жесткий сюртук сидел как влитой, ни единой складочки. Вот только весь его костюм был черным — глухим, поглощающим свет. Волосы цвета воронова крыла были влажными после душа и аккуратно зачесаны назад. От него пахло морозом, дорогим табаком и чем—то горьким, травяным. Словно живой ворон, случайно залетевший в клетку с канарейками.

Я невольно сглотнула. После вчерашнего инцидента на полу приёмной и моего сна, появление заставило сердце пропустить удар. Но дело было не в страхе. Дело было в том, как он *выглядел*.

Весь в черном, с черными глазами, которые не мигая смотрели на меня, капитан Василий Шуйский выглядел как Черный Всадник с тех самых фресок, которых матери рисовали на воротах, чтобы отпугивать хворь от детей. Его угольно—черная фигура резко контрастировала с жизнерадостным горчичным костюмом Владиславы, моим бирюзовым платьем—сарафаном и самим Симарглом, чья шерсть сияла серебром, а огромные белые крылья занимали почти половину приемной. Мы смотрелись как палитра сумасшедшего художника.

Взгляд Симаргла переместился с меня на Шуйского. Желтая радужка вспыхнула предупреждающим огнем.

— Я предупреждал тебя, капитан, — голос зверя прозвучал не громко, но вибрация прошла по паркету, заставив звенеть ложечку в пустой чашке. — Ты знал правила. Пути назад теперь нет.

Василий даже не моргнул. Он сделал шаг вперед, входя в кабинет полностью, и прислонился плечом к дверному косяку. Всё это время он смотрел прямо на меня. Тяжелый, черный взгляд буквально припиливал к месту, сканировал, изучал реакцию. И в этом взгляде не было ледяной пустоты бездны. Там была воронённая сталь. И что—то еще, темное, дикое, и кажется даже собственническое, от чего у меня снова пересохло во рту.

— Разберусь, — коротко бросил Шуйский. Голос был спокойным, ровным, лишенным всяких эмоций. Слишком ровным.

Мы с Владиславой переглянулись. «Разберется»? С чем? С профсоюзом домовых? С моими галлюцинациями? С тем, что он вчера чуть не свернул мне шею?

Симаргл на это самоуверенное заявление издал низкий, утробный рык, от которого шерсть вдоль его хребта поднялась дыбом. Звук напоминал скрежет камней в жерле вулкана.

— Твоя самонадеянность уже вышла тебе боком, Шуйский, в этот раз ты сам по себе, — процедил пес, клацинув клыками.

Затем он резко сменил тон, повернувшись к Владиславе:

— У нас срочный сбор. Вы с Ярославом нужны там. Прямо сейчас. Богданка и Горыня уже на месте.

Владислава мгновенно подобралась, сбрасывая усталость. Симаргл последний раз окинул взглядом кабинет. Остановился на мне. Потом на Василии. Между ними повисла такая густая тишина, что стало слышно, как гудит лампа на потолке.

— Вы двое остаетесь здесь, — вынес вердикт Посланник. — За старших. Два дня. А может три. Постарайтесь не спалить контору. Если Скверна или ещё какая дрянь сунется — звоните. Но лучше не надо.

С этими словами пространство вокруг Симаргла и Владиславы пошло белыми искрами. Через долю секунды кабинет погрузился в звенящую тишину.

Мы остались вдвоем. Я всё ещё стояла у стола Владиславы. Он — у двери. Тишину нарушало только тиканье часов да мое собственное слишком громкое сердцебиение.

— Кхм... Я предлагаю покинуть кабинет Владислава Богдановны, — голос мой прозвучал ровно и сухо, словно я читала вслух инструкцию по технике безопасности. Ни дрожи, ни запинки. Голос образцового секретаря, а не девушки, которую вчера этот упакованный в черное амбал прижимал к полу.

Я плавно обогнула стол Владиславы, намеренно держась на максимально безопасной дистанции, и открыла дверь в приемную жестом гостеприимной хозяйки морга.

— Прошу за мной, капитан Шуйский.

Мы вышли в приёмную. Я плотно прикрыла дубовую дверь кабинета начальницы. Воздух здесь всё еще пах капустой. Это почему—то успокаивало — напоминало о том, что мир всё ещё состоит из нормальных, земных овощей.

Остановившись посреди ковра, я сложила руки перед собой, приняв позу вышколенного помощника. Смотреть ему в глаза было выше моих сил, поэтому я выбрала точку чуть левее его плеча.

— Поскольку руководство практически в полном составе убыло в срочную... командировку, — слово «командировка» далось мне легко, оно звучало гораздо лучше, чем «ушли разбираться с ЧП на Божественном острове Буяне», — вам нужно рабочее место. Кабинет Владиславы Богдановны я вам предложить не могу, так же, как и кабинет Ярослава Лаврентьевича, это может вызвать не нужные вопросы у персонала. Однако справа по коридору есть переговорная. Она небольшая, но там удобный диван для отдыха, собственный чарокомп, терминал и отличная звукоизоляция. Вы можете разместиться там с комфортом, — перевела дыхание, продолжая чеканить слова. — Что касается ваших обязанностей: ввиду отсутствия полковника Соболева и майора Разумовского, текущие и не критичные оперативные задачи переходят в режим ожидания. На вас лягут исключительно внештатные ситуации и обстоятельства неодолимой силы. Что касается встреч, я сейчас же займусь их переносом, пока, на неопределенный срок. В графе «причина» буду указывать «божья воля локального масштаба». Если у кого—то возникнут вопросы — смело направляйте их ко мне. На эти два дня я — ваш секретарь.

Он слушал молча, не перебивая. Его лицо оставалось непроницаемой маской, но я заметила, как дернулся желвак на челюсти, когда я упомянула «отдых на диване». Казалось, он хотел что—то возразить или спросить. Возможно, извиниться за вчерашнее. Он даже приоткрыл рот, собираясь нарушить мою профессиональную броню, но тут...

Дверь парадного входа распахнулась с жалобным скрипом, совершенно не подобающим такому солидному зданию.

В приёмную вплыл Жировик. Это был плотный, круглый дух—холоп метра полтора ростом, состоящий, кажется, исключительно из топленого масла, грязноватой бороды и чувства собственного достоинства. Одет он был в жилетку, лопающуюся на животе, и сафьяновые тапочки. В пухлых лапках он сжимал огромную расписную ложку, которой энергично махал в такт своим словам.

— А вот и я! — провозгласил он густым басом, обводя приемную масленными глазками. — Обеденный перерыв али как? У меня заявочка по форме «Бэ–Же–триста», требую утвердить смету на увеличение объема квашеной репы в секторе Леших! Брюхо—то сводит, язви его в душу!

Реакция Шуйского была мгновенной и пугающе автоматической. Не успел Жировик договорить про репу, как воздух словно рассек порыв ветра. Капитан Шуйский одним текущим движением оказался прямо передо мной, задвинув меня себе за спину. Широкие плечи полностью скрыли меня от посетителя. Стойка — ноги расставлены, корпус подан вперед — кричала о готовности рвать врага голыми руками. Правая рука уже легла куда—то под полу сюртука, явно на шаривая рукоять оружия, которого там быть не могло.

Я лишь вздохнула. Глубоко и печально, как наставница в училище при малых детях, узревшая скомканную грамоту вместо прилежного уставного письма. Затем цокнула языком.

Выглянув из—за плеча Шуйского (что было непросто, учитывая разницу в росте), я одарила побледневшего духа самой профессиональной и лучезарной улыбкой из своего арсенала.

— Добрый день. По какому вы вопросу, уважаемый? Приём заявлений работает строго по предварительной записи через чарокомп, чарофон, или личном подаче.

Жировик продолжал хлопать глазами на Шуйского.

— Не волнуйтесь так, уважаемый, — я сделала плавный шаг вперед, выходя из—за широкой спины капитана. Мои руки были сложены перед собой в жесте абсолютного спокойствия и канцелярской доброжелательности. — Капитан Шуйский просто... любитесь вашим головным убором. Правда ведь, Василий Иванович?

Шуйский на это лишь сурово кивнул. Движение вышло таким резким, словно у него заклинило шейные позвонки. Он продолжал стоять скалой между мной и посетителем, но теперь его взгляд метался от круглой физиономии Жировика ко мне с плохо скрываемым желанием прожечь во мне дыру.

Жировик (или Талибурмон Храпорыгиевич, как он представился) мгновенно сменил гнев на милость. Его масленные глазки перестали бегать по сторонам в поисках еды и усталились на меня с собачьим обожанием.

— Золотце! — пробасил он, шмыгая носом. — Вот сразу видать — душа—человек! А то ходят тут всякие... злые. Я ж чего пришел—то? По форме «Бэ–Же–триста»!

Я мягко улыбнулась, переводя взгляд с перекошенного лица Шуйского на огромную расписную ложку духа.

— Форма «Бюджетно–жалобная», раздел триста, касающийся инвентаризации пищевых запасов, — перевела я для капитана, не глядя на него. — Это стандартное прошение о расширении кладовых. Тише—тише, господин хороший. Давайте присядем.

Я указала духу на гостевое кресло. Тот плюхнулся в него всей своей масляной массой, отчего кожа обивки жалобно скрипнула. Проблема оказалась до смешного абсурдной: согласно новому регламенту, все заявки свыше пяти литров квашеной капусты должны проходить электронную верификацию через чарокомп. Но пальцы Жировика были слишком толстыми и скользкими для сенсорной панели, и она отказывается распознавать ауру топленого нутряного жира как «допуск уровня "Сотрудник"».

— Да разве ж это дело?! — сокрушался дух, размахивая ложкой. — Мне бочку расширить надо! У меня там огурцы хрустящие, капуста ядреная, репа! А она мне: «Ошибка доступа, неверный формат души»! Обидно же!

Пока он жаловался, я молча достала из своего стола чистый свиток пергамента, чернильницу—непроливайку и тяжелую латунную печать.

— Успокойтесь, Талибурмон Храпорыгиевич, — мой голос звучал тихо, мелодично, но твердо, как журчание ручейка. — Бумажная волокита создана не для того, чтобы мешать честным домовым, а для порядка.

Я быстро заполнила графы своим идеальным почерком, макнула печать в подушечку и с громким «ЧПОК!» опустила её на бумагу.

— Вот ваша копия. Смело идите на склад. Скажите кладовщику, что Дарья Шулянская завизировала расширение тары ввиду сезонного увеличения объемов солений. И ложку свою заберите, пожалуйста, вы нам так всю кожаную мебель перепачкаете.

Жировик схватил подписанный документ двумя руками, прижал к объемному животу и прослезился.

— Дашенька! — всхлипнул он. — Золотце ты наше! Свет очей конторских! Век твою доброту помнить буду! Уберегла ты меня, касатка. Другой бы писарь гонял бы до завтра! А ты — золотце! Сердце мое навеки твоим стало, Дарьюшка! Коли беда какая — только крикни, я тут как тут!

— Всего доброго, — улыбнулась, беря трубку чарофона.

Дух еще раз поклонился, едва не впечатавшись лбом в пол, и исчез за дверью так же внезапно, как и появился, оставив после себя стойкий запах топлённого масла.

В кабинете повисла тишина. Я положила трубку, поправила стопку бумаг и подняла глаза на Василия. Он всё ещё стоял посреди приемной, напряженный, как тетива. Теперь он смотрел только на меня.

— Что? Это? Было? — процедил он сквозь зубы. Звук был похож на рык крупного хищника, которому наступили на хвост.

Я откинулась на спинку кресла и сцепила пальцы в замок на столе. Моя поза была зеркальным отражением позы Владислады — идеальная осанка, холодный профессионализм.

— Это, капитан Шуйский, был представитель низового персонала. И сейчас этот персонал ушел довольным, со всеми документами на руках, потому что я умею работать с людьми. И не только с ними.

Я позволила себе легкую паузу, давая словам впитаться.

— А теперь, будьте добры объяснить причину вашего вокального упражнения. Вы пытаетесь подражать Индрику? Если да, то должна заметить — у него получается убедительнее, там хотя бы басовые частоты присутствуют.

Его челюсти сжались так, что желваки заходили ходуном.

— За всё время моей службы в этом отделе, — продолжила я тем же вежливым, отстраненным тоном школьной учительницы, отчитывающей старшеклассника, — со мной не случилось ровным счетом ничего страшного. Ни один Леший не съел мои документы, ни один из Анчуток не украл мою обувь. Единственным инцидентом, нарушившим технику безопасности и протокол поведения в приёмной, было ваше появление вчера вечером. Повторю ещё раз, я умею работать с людьми. И не только с ними. Вы же, насколько я успела заметить за время нашей короткой совместной работы, предпочитаете решать вопросы путем физического давления, ну или удержанием сотрудников на полу. Позвольте напомнить вам, что мы находимся в государственном учреждении.

Он моргнул. Чернота его глаз казалась почти матовой. Я взяла ручку и демонстративно постучала ей по краю ежедневника.

— Поэтому прошу вас, капитан, засуньте свои первобытные инстинкты защитника туда, где их не увидит комиссия по этике. Если кто-то из посетителей попытается причинить мне вред, я уверена, вы об этом узнаете первым. Кнопка артефакта тревоги подаст сигнал и в переговорную.

Я взяла стопку чистых бланков и демонстративно принялась его ровнять.

— Тот факт, что вы готовы порвать каждого, кто дышит в мою сторону, конечно, льстит моему эго, но крайне плохо сказывается на имидже нашего ведомства. Представьте заголовки: «Капитан Шуйский съел представителя профсоюза прямо в приемной», — я подняла на него глаза. Взгляд холодный, деловой. — А теперь, если мы закончили с демонстрацией первобыт-

ных инстинктов, может быть, пройдем в ваш временный кабинет? — мой голос звучал ровно, но в нём звенел лед. Я сделала приглашающий жест рукой в сторону коридора. — Или вы предпочитаете стоять тут, мешая мне работать и пугать курьеров своим... вокальным диапазоном и выразительным лицом?

Шуйский медленно наклонил голову. Уголок его губ дернулся в усмешке, которая не предвещала ничего хорошего.

— Работа? — переспросил он с явным сарказмом, от которого по стенам пробежал холодок. — Это, по—вашему, *работа*? Дарья, это абсурд. Театр для умалишенных.

Я спокойно выдержала его тяжелый взгляд, медленно выдохнула. Терпение, Даша. Он просто мужчина. Опасный, но всё же мужчина, который считает, что мир держится исключительно на силе его кулаков. Сняла невидимую пылинку с рукава своего сарафана и лишь тогда ответила:

— Да, возможно, я действительно занимаюсь всякой ерундой. В вашем понимании. Бюрократией. «Абсурдом», как вы изволили заметить. Наверное, потому что я не швыряю молнии и не ломаю хребты упырям голыми руками. Вы ведь привыкли к подвигам, капитан Шуйский. К вещам важным и сложным.

Я позволила себе короткую паузу, глядя ему прямо в глаза.

— Для вас работа — это только **подвиги**. Громкие, красивые дела: удержание Купола Правил над столицей во время прорыва Пекла; битва с Хазарским Змеем посреди Волги; одним ударом рассеять Скверну; в одиночку выйти против стаи навьих тварей на Калиновом мосту, или личное сопровождение Князя сквозь Навь, когда за ним охотились три Морока сразу. Это то, чем занимаются мужчины. Это важно. Но знаете что, Василий Иванович? Я тоже занимаюсь очень важным делом. Только оно выглядит иначе. Давайте представим на секунду, Василий Иванович, отвлечемся от вашей значимости, так сказать, что бы творилось на Руси, если бы вот такие «абсурдные» вещи никто не делал. Если бы некому было разгребать эту бумажную кашу по несколько десятков раз на дню.

Мой тон резко изменился. Лед стал сталью. Я подалась вперед, сокращая дистанцию, глядя ему прямо в черные глаза снизу вверх, но так, словно смотрела сверху вниз, и ткнула пальцем в его грудь.

— Хотите знать, что случилось бы без моей «ерунды», пока герои совершают подвиги? Если бы никто не оформлял разрешения на перемещение нежити? Если бы Жировик не получил свою бумагу?

Я подошла к нему ближе, вторгаясь в его личное пространство, заставляя огромного злого капитана чуть отступить назад.

— Знаете, что случилось бы через неделю отсутствия вот такого «абсурда»? Настоящие проблемы, капитан. Не героические, а грязные:

— **Голод.** Водяные перекроют все речные пути, требуя дань девицами, потому что нет единого реестра квот на вылов рыбы. Цены на хлеб взлетят до небес, потому что Полуденицы выжгут посевы, обидевшись на косой взгляд пахаря, а некому будет составить мировую грамоту. Рухнет логистика, когда Водяной обидится на то, что его подписать на разрешении вылова

рыбы стоит после подписи Домового (потому что курьер перепутал папки), а через три дня в Киеве начнется бунт. Люди будут умирать не от мечей врага, а из-за того, что баржи с зерном просто встанут посреди Днепра.

Эпидемия безумия. Домовые, лишённые права на свои берестяные трудовые книжки и законный отдых, начнут массово сходить с ума. Они спрячут все иголки, соль и ключи по всей Руси. Люди не смогут закрыть двери, сварить суп или зашить рубаху. Наступит хаос. Вы думаете, почему Жировик пришел жаловаться на квашеную репу? Потому что я вовремя подписала смету на увеличение объема их бочек. А теперь представьте тысячи таких жировиков, леших и анчуток по всей стране. Без моих актов списания сушеных жабьих лапок они начнут голодать. А голодная низовая нечисть начинает жрать скот, урожай и разум людей. Начнется мор. Не чума — тихое сумасшествие. Крестьяне будут видеть нечисть в каждом углу и сами пойдут топиться в прорубях, потому что отдел психологической поддержки нежити забыл продлить лицензию на успокаивающие благовония.

Пожары. Анчутики — мелкие шалуны — обожают играть с огнем. Без надзора со стороны нашего отдела пожарной инспекции Нежити они спалят половину деревянного Новгорода просто забавы ради, и ни один богатырь не успеет потушить сто очагов одновременно.

Техногенный чар-коллапс. Кофемашина в кабинете Владиславы сегодня плюется эспрессо только потому, что я вчера утвердила график очистки её фильтров от пылицы с крыльев Симаргла и Гамаюн. Если этого не делать — она взорвется. Система умный дом в Клемле сойдет с ума, решив, что температура +50 градусов идеальна для сна. Самобеглые коляски перестанут останавливаться на красный свет, потому что светофор ослеп от перегрузки эфиром. Все эти чары сожгут сами себя изнутри, превратив нашу Русь в выжженную пустыню, где бродят големы со слетевшими настройками.

Я ткнула пальцем в свой заваленный папками стол.

— Вот эти «бумажки», которые я подписываю десятками каждый день — это плотина. Тонкая, скучная, пыльная. Но она держит океан. Если я сегодня не подпишу акт списания сушеных листьев жив—травы для лекарей, завтра нам нечем будет лечить раненых после ваших «подвигов». Если я не утрясу график отпусков водяных, послезавтра Москва—река повернет вспять и затопит Град.

Я выпрямилась, возвращая себе профессиональную дистанцию.

— Так что да, капитан. Пока вы спасаете мир красиво и драматично, размахивая мечом, я держу этот мир на плаву здесь. Каждый день. И если один курьер поседает от вашего рыка — это мелочь. А вот если завтра утром тысяча курьеров не доставит тысячу разрешений на перемещение порталных амулетов, ваша хваленая армия окажется запертой в казармах, когда враг будет уже под стенами Кремля. И пока вы там спасаете Русь от Скверны раз в полгода, я буду сидеть здесь и заниматься этим абсурдом каждый божий день. Потому что настоящая власть — это не меч в руке. Настоящая власть — это печать «Утверждено» на нужной бумаге. А теперь, пожалуйста, проследуйте в переговорную. У меня много дел. Нужно спасти вашу репутацию перед отделом снабжения, пока вы кого—нибудь не угробили. Утвердить график отпусков, иначе через несколько недель половина отдела снабжения уйдет в запой по случаю Дня Летнего Солнцестояния, и вам придется самому собирать урожай для Жировика. Вам всё еще кажется это абсурдом?

Василий Шуйский.

Я ничего не ответил на её отповедь. Да и что тут скажешь? Когда тебя, потомственного боярина, прошедшего огонь, воду и медные трубы Спецкорпуса, отчитывает девчонка—секретарша тоном строгой классной дамы, лучшее, что можно сделать — это молча развернуться.

Прошел в переговорную, которая теперь числилась за мной как временный кабинет. Тяжелая дубовая дверь отсекала меня от приёмной. Здесь пахло сухим деревом и полиролью. Сел в кресло во главе стола, щелкнул пальцами, активируя чаробук. Экран вспыхнул мягким сапфировым светом.

Пятнадцать минут я просто сидел, вперившись в экран, читая все новостные сводки за последние несколько месяцев. Наконец, откинувшись на спинку стула так, что жалобно скрипнула кожа, я прикрыл глаза. До меня дошло. А ведь эта рыжая язва права.

Люди по всей Руси—матушке до сих пор, в основной своей массе, даже не поняли масштаба происходящего. Они живут себе и не ведают, что Гиперборея найдена. Что Исконные Боги скоро опять смогут ходить по земле Русской, как тысячи лет назад. Для простого люда всё происходящее было лишь чуть большей Благодатью Богов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.